

Юлия Рахаева

Хозяин степи

Волчий камень

I

Mariage

Юрген бежал по длинному коридору замка, не обращая внимания на придворных и многочисленных гостей короля из других государств. Самое главное было сейчас одно — чтобы его не увидела Присцилла со своей безумной подругой. Едва не сбив какого-то слугу со стопкой салфеток в руках, Юрген влетел в залу с выходом на балкон. Там-то он и решил укрыться. Зима уже подходила к своему завершению, но весна не спешила в Нэжвилль. Шу вдохнул свежий морозный воздух и вдруг услышал позади себя ненавистный голос Летиции, той самой подруги его тётки, на которой она хотела его женить.

— Чёрт, — прошептал Юрген. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Назад дороги теперь не было. Балкон выходил во внутренний дворик замка, и Шу перегнулся через парапет и посмотрел вниз. Прыгнуть было можно, но был также и риск что-нибудь себе

сломать. Но лучше сломать себе руку, чем дать себя женить на толстой старой бабе. Юрген перелез через ограждение и снова посмотрел вниз. Вдруг он услышал цокот копыт, и под балконом показался всадник. Судя по одежде, сарби. Молодой мужчина поднял голову и, увидев норта, проговорил:

— Прыгай.

Юрген замешкался, но сарби показал на лошадь позади себя и повторил:

— Давай, прыгай.

И Шу прыгнул. Ощувив под собой тепло

лошадиного тела, Юрген схватился за своего спасителя, а тот направил коня прочь от балкона.

— Спасибо, — проговорил Шу.

— От кого ты бежал? — поинтересовался сарби.

— От невесты.

— Так это вроде королевская свадьба. Разве ты король?

— Нет, — захихикал Юрген, — я не король. Но тут такое дело. Моя тётка уже давно мечтает меня женить на своей подруге. А она старая и толстая. У неё это не выйдет. За меня сам принц обещал заступиться. Он отправит меня на службу вдали от дома.

— А скучать по дому не будешь?

— Может, и буду. Не знаю ещё.

Между тем сарби подъехал к одному из входов в замок и остановил коня. Спрыгнул сам, а затем подал руку Юргену. Тот не сразу, но всё-таки воспользовался предложенной помощью и спустился.

— Ну, спасибо ещё раз, — проговорил Шу и скрылся в замке.

— Вы-то мне и нужны, — услышал он рядом голос Арчибальда Рейна, служившего в тайной канцелярии.

— Зачем я вам? — удивился Юрген.

— Его высочество принц Густав передал вас в

моё распоряжение.

— Это в каком смысле?

— В прямом. Вы теперь будете работать на меня.

— Пойдите. Принц говорил, что я уеду из Нэжвилля.

— Всё верно. Его величество король Фарлей Белоснежный назначил меня послом в шоносаре. Как только свадебные торжества завершатся и делегация сарби отправится домой, мы поедем с ними.

— Мы?

— Мы. Я, мой новый секретарь, господин Найтли...

— Найтли? Олаф?

— Попрошу впредь меня не перебивать. Да, Олаф Найтли. И вы.

— Олаф — секретарь, а я кто?

— Об этом я и хочу с вами поговорить. Мне стало известно, что вы знаете почти все языки.

— Так и есть.

— Более того, вы обладаете обширными знаниями в разных науках.

— Обладаю, — с гордостью подтвердил Юрген.

— Официально вы будете составлять жизнеописание шоносара для Нэжвилля. Как-никак наши державы теперь стали очень близки.

— А неофициально?

— Неофициально вы станете моим шпионом, — объявил Рейн.

— Что?

— Моим шпионом. Знать об этом будем только вы и я. Собственно как и о том, что вы владеете языками. Шоно не должен будет знать, что вы понимаете язык сарби. Вы станете общаться с ним на языке нортов, который он хорошо знает. Но вы будете слушать всё, о чём он говорит на родном языке и передавать мне. И не только он.

— А с чего он вообще захочет со мной общаться?

— С того, господин Шу, что вы вотрётесь к нему в доверие. Подружитесь с ним. Уверен, у вас получится. Как я понимаю, моё предложение не вызвало у вас неприятия. Значит, я в вас не ошибся, — Рейн еле заметно улыбнулся.

— Так это было предложение? — хмыкнул Юрген. — А я думал приказ.

— Но вы ведь не откажетесь. На одной чаше весов у вас неуютная женитьба, а на другой новая работа. Полагаю, вы легко сделаете выбор.

— Я могу идти?

— Можете.

В тронном зале начиналось официальное представление высоких гостей. Юргену стало любопытно, и он поспешил туда.

— Великий предводитель всех сарби хранимый небесным волком шоно Оташ Справедливый! — услышал Шу и во все глаза уставился на того, кого так торжественно объявили. Это был тот самый сарби, который буквально полчаса назад спас его от Летиции.

— Быть такого не может, — пробормотал Юрген.

— Юрис, как я рад тебя видеть! — раздался рядом до боли знакомый голос.

— Витольд, ты давно потерял право так меня называть, — обернувшись, проговорил Шу. — Даже не тогда, когда ты начал изменять своей драгоценной жене со шлюхами, а намного раньше, когда бросил меня.

— Любезный мой племянник, я не держу на тебя зла. Понимаю, что ты ещё очень мал, чтобы судить о человеческих отношениях.

— К счастью, я скоро отсюда уеду и не буду иметь удовольствия лицезреть твою физиономию.

— И далеко же ты собрался?

— Я получил работу и после свадьбы уезжаю в шоносар.

— В шоносар, — повторил Никсон.

— Да.

— Я пока живу со своей супругой в Яссе, а это шоносар, если ты забыл.

— Тьфу! Но шоносар огромен. Думаю, мы с

тобой там как-нибудь разминёмся.

— Что же за работу ты там получил? Вряд ли юношу твоих способностей взяли туда доить кобыл.

— Да пошёл ты, — Юрген развернулся и пошёл вперёд, проталкиваясь среди многочисленных гостей свадебной церемонии. Увидев вдалеке Рейна, он направился к нему.

— Неужели вы хотите мне сказать, что передумали? — поинтересовался тот.

— Нет. Я хотел сказать, что у нас проблема. Витольд Никсон, мой дядя.

— Я знаю, кто такой Витольд Никсон.

— И вы знаете, что он женился на девице из шоносара? Они в Яссе живут. Я к чему. Витольд в курсе того, что я говорю на разных языках. Вдруг он заложит меня шоно?

— Я переговорю с ним лично. Можете не беспокоиться о нём.

— Ну, ладно тогда.

— Мой вам совет.

— Что ещё?

— Приступайте к вашим новым обязанностям незамедлительно. Вы ведь видели шоно?

— Ну, видел.

— Что вам мешает познакомиться с ним?

— Да я уже познакомился.

— Неужели?

— Да. Не верите?

— Не совсем.

— Тогда смотрите.

Юрген снова начал проталкиваться через гостей, но теперь по направлению к делегации сарби. Правда между ним и Оташем встало двое рослых сарби, которые выглядели крайне недружелюбно. Юргену пришлось встать на цыпочки, чтобы увидеть за ними шоно.

— Эй! — позвал он. — Эй! Это я! Помнишь меня?

Наконец заметив его, шоно улыбнулся и приказал своим людям пропустить юношу.

— Ничего, что я так нагло? — спросил Юрген.

— Нет, ты правильно сделал, — ответил Оташ.

— Тут оказывается, что моя новая работа у вас будет.

— У нас?

— Да, в шоносаре. Я буду жизнеописание составлять. Для Нэжвилля. Чтобы там все понимали, откуда родом их новая королева. Чтобы красиво всё. Чинно. Чтобы норты полюбили шоносар.

— Это прекрасная мысль.

— Но проблема есть одна.

— Какая же?

— Как я понял, мало кто у вас там язык

нортов знает.

— Верно.

— Так а как же я буду писать? Кто мне всё расскажет?

— Я расскажу, — снова улыбнулся Оташ. — Ещё у нас шаман и его помощник говорят на вашем языке, ты не переживай. Зовут-то тебя как?

— Юрген Шу. Но ты можешь звать меня Юрис. Так меня мама звала.

И юноша протянул шоно руку.

— Оташ, — представился он, пожимая её. Юрген обернулся и нашёл глазами Рейна. Тот внимательно наблюдал за ними. Шу довольно растянул губы в улыбке. Этот Рейн ему хоть и не нравился, но он не пожалеет, что взял его на работу.

— Встретимся после окончания церемонии? — предложил Юрген.

— Хорошо, — кивнул Оташ. Он смотрел вслед удаляющемуся парнишке и не мог скрыть улыбку. Этот Юрген чем-то напомнил ему о тех годах, которые Оташ провёл вдали от дома, путешествуя на пиратском корабле. Сарби не считал, что он что-то сделал в своей жизни неправильно. Тогда, будучи пиратом, Оташ был свободен. Он узнал, что это значит, сумел в полной мере почувствовать самую суть свободы. Вернувшись в шоносар, Оташ понял, что и дома тоже можно быть свободным. Конечно, он навсегда

привязан к семье, к своей земле, к людям, но свобода — это нечто иное. Свобода внутри тебя, свобода позволяет тебе жить, дышать и поступать так, как велит тебе твоё сердце.

Шоносар всегда жил традициями и обычаями, но в нём никогда не было церемониала и официоза, присущего Нэжвиллю. За время странствий Оташ успел побывать в разных странах и понял, как отличается поведение людей по отношению друг к другу. Здесь, в Нэжвилле, по мнению сарби, было слишком много обрядов. Особенно в королевском замке. Из уважения к своему новому родственнику Оташ старался исполнять и соблюдать их все, хоть это и было непросто. Этот парень, Юрген, хоть и был нортом, уже несколько раз нарушил весь церемониал. И Оташу теперь хотелось продолжать общаться с ним.

Когда Юрген впервые увидел новую королеву Асиму, она показалась ему очень сильно похожей на кого-то. Он долго мучился, вспоминая, и наконец, понял. Она была похожа на Айсу, одного из двух сарби, которые ехали из шоносара с посольской миссией к королю. Юрген удивился, насколько похожи могут оказаться люди, но потом решил, что сарби все немного похожи друг на друга. Новая королева ему понравилась. Она была красива иной красотой. В Нэжвилле таких девушек

не встретишь, разве что где-нибудь в Валахии. У Асимы были миндалевидные тёмные, почти чёрные глаза, высокие скулы, немного тонкие, но выразительные губы и густые тёмные волосы. Юрген невольно ловил себя на мысли, что в такую девушку он мог бы влюбиться. Но это когда-нибудь. Не сейчас. Сейчас он совсем не хотел подобных чувств и вообще считал, что, может быть, брак это не для него. Брак для таких, как Витольд, да и тот не умеет ценить этого.

Получив задание от Рейна, Юрген был уверен, что справится. Он всегда со всем справлялся, когда дело касалось учёбы. Может, что-то удавалось ему не с первого раза, но итог всегда был один. Юргена хвалили его учителя, а ему это льстило. Он очень жалел, что родители не смогли увидеть того, чего он достиг, но глубоко в душе верил, что они видели. Юргену казалось, что мама и папа незримо были где-то рядом и продолжали наблюдать за ним. Он не должен был их подвести.

Когда церемония закончилась, гостей замка ждало угощение. Юрген схватил бокал молодого красного вина, залпом опустошил его и отправился искать Оташа. Шоно беседовал с королевской четой, и Юрген отошёл к стене, выжидая. Вино горячим теплом растекалось по телу, и Шу подумал, что, наверное, неплохо было бы закусить.

— Держи, — послышался рядом голос

Витольда. Юрген обернулся и увидел, что Никсон протягивает ему тарталетку. Шу молча принял угощение и целиком запихнул в рот. Оказалось очень вкусно.

— Где твои манеры? — спросил Витольд. Юрген отвернулся. Затем увидел, что Оташ освободился и рванул к нему, по пути дожёвывая остатки рыбной начинки.

— Что это был за человек с тобой? — поинтересовался Оташ. — Ты так скривился при его появлении.

— Ты видел? — удивился Юрген.

— Я заметил тебя сразу, как ты вошёл.

— Это мой дядя Витольд. Он предатель.

— Предатель?

— Я бы тебе рассказал, но...

— Не здесь?

— Да.

— Тогда давай уйдём? Признаться, я уже устал от всего этого.

— А куда уйдём? — не понял Юрген.

— Давай просто погуляем по городу.

— Без охраны?

— Я не привык кого-то бояться.

— Давай, — кивнул Шу.

Вдвоём они покинули замок почти незаметно. Почти, потому что Юрген буквально спиной почувствовал взгляд Рейна, пока они шли через

одну из зал. Оказавшись на улице, Оташ проговорил:

— Я город совсем не знаю. Может, покажешь мне что-нибудь интересное?

— Интересное? — Юрген на мгновение задумался. — Есть одно местечко. Идём. Я нашёл его, когда убегал от тётки.

— Ты живёшь с тёткой?

— Жил после смерти родителей. Они умерли во время эпидемии нервной горячки.

— Мои родители тоже умерли, — проговорил Оташ.

— Давно?

— Мать я не знал. У нас с Асимой разные матери.

— Но вы похожи.

— Да, наверное, мы пошли в отца. Он... погиб в прошлом году. Собственно поэтому я и стал шоно.

— Почему тебя называли Справедливым?

— Ты знаешь, что произошло в шоносаре, когда погиб Ундэс?

— Слышал, была угроза войны, поэтому принц туда поехал.

— Верно. Меня не было в шоносаре, я путешествовал. А когда вернулся, на месте шоно уже был мой младший брат Газиз. Он сразу же возглавил поход на Фейсалию и завоевал их южный

порт. Он собирался пойти дальше и завоевать весь континент. Я остановил его и сам стал шоно по закону.

— А где сейчас Газиз?

— Его больше нет.

— Постой. Ты убил его?

— Нет. Не я. Мы помирились с ним перед его смертью. На самом деле завоевать континент хотел не Газиз, а его мать Сабира.

— Ну, а её ты убил?

— Нет. Она под стражей.

— Почему?

— Потому что она мать Асимы.

— Точно. Я не подумал об этом.

Они шли по мокрым от недавнего дождя пустынным улицам Нэжвилля, иногда встречая редких прохожих. Юрген вёл Оташа к высокому зданию, принадлежавшему одному богателю, который сдавал в нём жильё.

— А где ты путешествовал? — поинтересовался Шу.

— Много где. Я был в Ямато, Сересе, Фейсалии.

— Ого!

— И ещё в Аранте.

— Где такое?

— Это остров южнее Ямато. Мало кто знает о его существовании. Там живёт немного дикий

народ. Они канибаллы.

— Канибаллы? Они что же, едят людей?

— Да.

Юрген присвистнул.

— Мы уже пришли, — проговорил он. — Если зайти сюда через чёрный ход, то там есть лестница, ведущая прямо на крышу. Идём.

Всё было, как и сказал Юрген. Старая деревянная лестница привела их на крышу.

— А теперь смотри! — объявил Шу, и Оташ увидел море. — Нравится?

— Ты не представляешь как, — прошептал сарби. Он подошёл к самому краю и вдохнул воздух полной грудью.

— Я потом часто убегал сюда, — проговорил Юрген, подойдя к нему. — Вот так стоял и смотрел. Оно разное бывает. То серое, как сегодня, и не понятно, где заканчивается море и начинаются облака. То голубое, как летом. И ещё там корабли. Я смотрел на них и представлял, как я уезжаю на одном таком корабле далеко-далеко. Туда, где никто меня не найдёт.

— Я был штурманом на пиратском корабле, — тихо сказал Оташ.

— Ты был пиратом? — округлил глаза Шу.

— Да. Разочарован?

— Нет, что ты! Наоборот! Я скорее восхищён. Значит, я не зря привёл тебя сюда?

— Спасибо тебе, что привёл меня именно сюда. Я знаю это чувство. Когда ты поднимаешься на борт корабля, и он увозит тебя так далеко, как ты даже и мечтать не мог.

— Не думал, что у нас столько общего, — проговорил Юрген. — Сколько тебе лет? Ты уже столько успел.

— Двадцать. А тебе?

— Мне скоро будет шестнадцать. Ты спрашивал меня про Витольда.

— Да, ты готов рассказать?

— Да. Он мой дядя, как я тебе уже говорил. Со стороны матери. Ещё он был одним из моих учителей.

— Чему он тебя учил? — поинтересовался Оташ.

— Игре на флейте, — соврал Юрген. На самом деле Витольд учил его языку амма и сарби.

— Сыграешь как-нибудь?

— Сыграю. Витольд, он... Когда умерли родители, я лежал в госпитале. Я тоже болел. Мне повезло. Я выжил. Витольд мне сообщил про папу с мамой и пообещал, что всегда будет со мной. Конечно, он не мог их заменить, никто не может, но он обещал быть рядом. Витольд сказал, что поможет мне, если будет нужно. Но в итоге я оказался у тётки по отцовской линии. Я всё равно ждал, что Витольд придёт, что поддержит... Когда

тётка удумала женить меня на своей богатой подруге, я поехал в Валахию, потому что у Витольда там было имение. И там мне сообщили, что он вообще теперь в Яссе. Он познакомился с какой-то девицей и сразу же женился. Мне даже не написал. Как будто меня нет, понимаешь? Но я дурак. Я поехал в Яссу. К нему. Не знаю, чего я хотел. Мне повезло, что по дороге туда я встретил принца. Он пообещал помочь и сдержал слово. Принц не такой как Витольд.

— Но ты встретился с ним в Яссе?

— Нет, Витольд тоже ехал в Валахию. Я узнал, что он... наверное, не надо этого говорить.

— Не говори.

— Спасибо.

— За что?

— Не знаю, — пожал плечами Юрген.

— Будем друзьями? — вдруг предложил

Оташ.

— У меня раньше не было настоящих друзей.

— У меня были, но... К сожалению, это в прошлом. Так что? Будешь моим другом или нет?

— Буду, — с улыбкой кивнул Юрген.

Постояв на крыше ещё немного, они спустились вниз.

— Тебя, наверное, все потеряли, — проворил

Шу.

— Мои люди мне не сторожа, — ответил

Оташ. — Я сам по себе.

— Когда вы возвращаетесь в шоносар? Мне ведь надо знать, когда выезжать.

— Завтра.

— Уже?

— Асима вышла замуж, что мне здесь делать?

Меня ждут дома.

— Кто?

— Весь шоносар, — усмехнулся Оташ.

— Тогда мне нужно собрать вещи. Идём в замок?

Сарби кивнул. Вдвоём они вернулись в замок и расстались у входа. Юрген поспешил в комнату, которую предоставил ему принц ещё в начале зимы. Сколько Присцилла не звала его вернуться, Шу не соглашался. Начав собирать вещи, Юрген пожалел, что не может взять с собой книги на других языках, потому что так он мог бы себя выдать. Чтобы составлять жизнеописание шоносара, необходимы были бумага и чернила. Этого у Юргена пока было в достатке. Также Шу достал несколько комплектов одежды, но задумался, стоит ли брать так много. Может быть, в шоносаре ему придётся носить что-то местное? Наконец, Юрген положил в сумку свою флейту.

В дверь его комнаты постучали, и прежде чем Юрген пошёл открывать, к нему зашёл Витольд.

— Опять ты? — грубо произнёс Шу.

— Господин Рейн сообщил мне, что ты уезжаешь уже завтра.

— Да, уезжаю.

— Он ещё кое-что мне сказал.

— Что же?

— Что никто не должен знать о твоих обширных знаниях. Юрген, что за дела у тебя с тайной канцелярией?

— Тебя это не касается.

— Я переживаю за тебя.

— Раньше надо было переживать.

— Ты совсем ещё ребёнок.

— Неправда. Я давно вырос. Ты что-то ещё хотел мне сказать?

— Нет. Только... будь осторожен. Мне кажется, этот Рейн — страшный человек.

— Не страшнее тебя.

Витольд молча покачал головой и ушёл. Юрген опустился на кровать и уронил голову на руки. Почему-то хотелось плакать. Шу сдержал непрошенные слёзы и подошёл к окну. Его жизнь стремительно менялась, и Юрген пока не понимал, хорошо ли это, но он очень надеялся, что всё к лучшему. Шу немного гордился своей новой работой, но было одно но. Ему понравился Оташ. Он был именно тем, кого хотелось называть другом. Но друзей не обманывают. За друзьями не шпионят. Юрген не знал, как сочетать дружбу с

Оташем и работу. Подумав, он решил разграничить Оташа и шоно. Как истинный шпион короля следить он будет за шоно. А дружить — с Оташем. Довольно улыбнувшись, Юрген прилёг на кровать и не заметил, как уснул.

Вернувшись в замок, Оташ встретил встревоженных Алтана и Бальзана, которые сопровождали его в этой поездке. Оба были сыновьями шамана и ровесниками шоно. Они вместе росли и вместе учились драться.

— Где ты был? — спросил Бальзан.

— Гулял, — ответил Оташ.

— Не надо было уходить, не предупредив нас, — проговорил Алтан.

— Я не собираюсь перед вами отчитываться о каждом своём шаге, это вы зря.

— Но ты же взял нас с собой в качестве охраны! — возразил Бальзан.

— Потому что если бы я появился в Нэжвилле без охраны, это вызвало бы слишком много вопросов. Я привык всё делать один. И решать, что я буду делать и когда я это буду делать, тоже.

— Знаешь, надо было сказать тогда с самого начала, что мы тебе не нужны, — сказал Алтан, и в его голосе слышалась обида.

— Это не так, — ответил Оташ. — Вы нужны. Но волноваться за меня не нужно.

— Там какой-то мужик на тебя уставился, — проговорил Бальзан, смотря куда-то за спину шоно.

— Действительно, — обернувшись, сказал Оташ. Мужчина был высоким и с очень пронизательным взглядом. Слегка поклонившись, он вдруг направился прямо к шоно.

— Разрешите представиться, — проговорил он. — Арчибальд Рейн.

— Посол? — Оташ вспомнил, что именно это имя называл король в беседе с ним.

— Верно.

— Тогда вы, наверное, знаете, что мы отправляемся уже завтра?

— Разумеется.

— И вы ведь понимаете, что замков у нас в шоносаре нет. В поселениях есть дома, но если вы собираетесь жить в моём лагере, то вам придётся смириться с гером.

— Возможно, я произвожу впечатление человека, привыкшего к роскоши, но это не так, — ответил Рейн.

— Рад слышать. Остальные вопросы мы можем обсудить в дороге.

— Непременно. Со мной будут ещё два человека. Мой секретарь Олаф Найтли и юноша, с которым, как мне показалось, вы уже знакомы, Юрген Шу.

— Да, мы познакомились сегодня. До встречи

завтра.

— Я половину не понял, — проговорил Алтан, когда Рейн, откланявшись, удалился.

— Я тоже, — кивнул Бальзан.

— А потому что надо было учить язык лучше, — усмехнулся Оташ.

— Так что это за мужик?

— Посол. Завтра едет с нами. Как вы думаете, кто такой секретарь?

— Чего? — переспросил Алтан.

— Да посол сказал, что с ним будет его секретарь. Я этого слова не знаю в языке нортов.

— Это что-то тайное?

— Понятия не имею, — пожал плечами Оташ. — Надо будет потом узнать.

В Нэжвилле уже наступила ночь, когда сарби понял, что не может уснуть. Если в первую ночь в замке он выспался, потому что немного устал с дороги, то теперь же сон не шёл. Для него предоставили одни из лучших покоев замка, но всё это было слишком непривычно. Оташ не привык к мягкой перине, и спать на ней было странно, потому что он будто бы постоянно куда-то проваливался. Он даже уже подумал лечь на пол, но вдруг ему показалось, что откуда-то из раскрытого окна доносится протяжная мелодия. Оташ подошёл ближе и прислушался. Действительно это была музыка. Кто-то играл на флейте. Оташ выглянул в

окно и вдруг увидел его. На этаж ниже в одном из окон напротив. На подоконнике сидел юноша и играл на флейте. Мелодия была пронзительной и печальной. Оташ заслушался. Он всегда любил, как играли музыканты в шоносаре, но такой мелодии он никогда раньше не слышал. Должно быть, её сочинил какой-то местный композитор. В ней словно бы жила эта ночь, этот замок, этот город. Вдруг мелодия оборвалась, и Оташ увидел, что юноша смотрит на него. Сарби узнал его — это был Юрген. Юноша помахал ему рукой и будто позвал к себе.

Не сразу, но Оташ нашёл эту комнату. Сначала он постучался к какому-то солидному мужчине, и только потом ему открыл Юрген.

— Это была очень красивая мелодия, — проговорил Оташ.

— Мама её любила, — ответил Шу. — Проходи.

Комната Юргена была в три, а то и в четыре раза меньше покоев шано. Шу опустился на кровать и похлопал по месту рядом.

— Я уснул давно, — сказал он. — А потом вдруг проснулся. Выспался, наверное.

— Что такое секретарь? — вдруг спросил Оташ, сев рядом.

— Ну, это помощник значит. Ассистент.

— Так вот значит с кем посол поедет.

— Да, — улыбнулся Юрген. — А ты что подумал?

— Да не знал я этого слова.

— Вот ты смешной.

— Ты читал «Хэмиша» Рэтленда? — задал вопрос Оташ.

— Конечно! — отозвался Шу.

— Я вот только на днях прочитал. Мне один мой друг обещал прислать эту книгу, и вот прислал.

— И как тебе?

— Я же рассказывал тебе про отца.

— Да.

— Его убили, и замешана в этом была его жена.

— Ты, что же, почувствовал своё родство с Хэмишем? — догадался Юрген.

— Только отчасти. Я не во всём с ним согласен. Но в целом понять могу. Вообще книга меня впечатлила, хоть мне и было сложновато её читать. Ваш письменный язык я знаю хуже. А писать так вообще не умею почти.

— Помочь тебе научиться?

— Помоги, — кивнул Оташ. — Думаю, мне это пригодится.

— Ты очень хорошо говоришь на нашем языке. Акцента почти не чувствуется.

— Давно учу. Спасибо. Всё равно некоторых слов не знаю. Вот секретарь, например.

— Мне страшно представить, что ты там подумал про Олафа, — рассмеялся Юрген. — Ты бы его видел. Он такой, знаешь... Хороший очень.

— Ну, вот завтра познакомимся. Наверное, я пойду. Тебе надо ещё поспать, а то упадёшь с лошади.

— Сам ты упадёшь.

— Я не упаду. Как и мой отец, я родился в седле.

С этими словами Оташ поднялся и направился к двери.

— Доброй ночи, — пожелал он и добавил одно слово на языке сарби. Эне. Юрген сделал вид, что не расслышал. Он прекрасно знал, что означает это слово. Так сарби ласково обращались к младшему в семье.

Проснувшись рано утром, Шу побежал на кухню замка, чтобы поскорее позавтракать. Уже когда он возвращался обратно, ему встретился Рейн.

— Вы за мной следите, что ли? — брякнул Юрген.

— Вы слишком высокого мнения о себе, — ответил Арчибальд.

Шу пожал плечами и пошёл дальше по коридору.

— Попросите у шоно личный гер по соседству с ним, — проговорил Рейн.

— А не слишком ли это нагло? — остановившись, отозвался Шу.

— Нагло будет, если вы попроситесь прямо в гер шоно.

— Но что же получается, что специально для меня новый гер возведут? Одно дело для вас, вы посол.

— В моём гере вы жить не будете. Достаточно моего секретаря.

— Не больно-то и хотелось. Ладно, я попрошу.

Уже на выходе из замка Юрген встретился с Олафом. Тот выглядел очень взволнованным и нервно теребил ремешок своей дорожной сумки.

— А мне господин Рейн говорил, что ты тоже едешь! — обрадовался Найтли, увидев Юргена.

— Да, — кивнул Шу.

— А ты в качестве кого?

— Буду составлять жизнеописание шоносара для нортов.

— Мне почему-то запретили говорить, что ты знаешь язык сарби. Но ты ведь его знаешь, разве нет?

— Знаю. Но раз запретили, значит, так нужно. Ты ведь секретарь самого Арчибальда Рейна, должен понимать.

— Пока я мало что понимаю. И очень волнуюсь.

— Чего волнуешься?

— Ну как же! Это такая важная должность. Секретарь посла.

— Может быть. Но мне кажется, ты в первую очередь будешь ему слугой, уж прости за сравнение.

— Да нет, всё нормально. Мы действительно едем без слуг. Значит, кто-то должен будет помогать господину Рейну. Почему же не я?

— Ты его не боишься? — спросил Юрген.

— Немного, — ответил Олаф. — Он кажется таким важным, таким серьёзным.

— Помянешь чёрта, он и появится, — пробормотал Шу, увидев Рейна. Он был одет в тёмный дорожный костюм с плащом и чем-то напоминал большую хищную птицу. Следом за ним появился Оташ в сопровождении двух своих людей. Юрген в очередной раз наплевал на этикет и подошёл к шоно.

— Доброе утро, — с улыбкой поздоровался он.

— И тебе, — кивнул Оташ.

— Вон видишь того лохматого парня, который дрожит, как осиновый лист? Это и есть Олаф Найтли.

— А чего он дрожит?

— Волнуется.

— Пусть не волнуется, — сказал Оташ и

направился к Рейну. — Я готов ехать.

— Тогда отправляемся, — кивнул Арчибальд.

— Ты знаком с самим шоно? — удивился Олаф, когда Юрген вернулся к нему.

— Мы друзья.

— Друзья? Ничего себе! С самим шоно! Он такой грозный.

— Кто грозный? — Шу даже обернулся на Оташа.

— Шоно. Он выглядит так, будто готов в любой момент направить шоносар на Нэжвилль и завоевать его. Взять всех женщин и детей в плен. А стариков убить.

— Мы точно об одном и том же человеке говорим?

— Ну да, я про шоно.

— И я про шоно. Он вообще не такой. Олаф, откуда ты такое придумал?

— Хорошо, если придумал. А то я начинаю за тебя беспокоиться.

II Route

Юрген почему-то думал, что у Оташа был с собой походный шатёр, но уже в первую ночь в дороге выяснилось, что шоно спит под открытым небом. Рейна это, похоже, ничуть не смутило, как и

Олафа. Юрген в принципе не возражал против подобной ночёвки, но была ещё ранняя весна, и в тёмное время суток в степи было ещё очень холодно. Шу пожалел, что совсем забыл о тёплых вещах, которые необходимо было взять в дорогу. У него вообще как-то вылетело из головы, что до самого шоносара им предстоял ещё долгий путь через степь и поселения, платившие дань шоно. Теперь-то Юрген вспомнил, что шоносар на зиму всегда уходит к границе с Сересом, а с наступлением весны возвращается на запад. Это значило, что встретятся они уже где-то за рекой Ихтыр, до которой ещё ехать и ехать.

Шу устроился поближе к костру в надежде, что тепло огня согреет его в ночи. На Рейне была тёплая куртка, а Олаф кутался в шерстяную кофту. Алтану и Бальзану — Юрген пока запомнил только имена, но самих братьев различал с трудом — вообще, казалось, холодно не было, как и Оташу.

— Тебе не холодно? — поинтересовался Олаф.

— Нет, — соврал Юрген. — Мой костюм на самом деле тёплый.

Ему совсем не хотелось выставлять себя идиотом, забывшим про тёплую одежду. Один из братьев заварил ароматный чай и угостил всех путников. Выпив его, Юрген согрелся и постарался поскорее уснуть. Рано утром он проснулся от того,

что его была сильная дрожь. Пламя костра было совсем слабым, а степь была покрыта густым туманом. Юрген поднялся и попрыгал на месте, пытаясь согреться.

— Что ты как воробей? — услышал он рядом голос Оташа.

— Утренняя зарядка, — ответил Юрген. — Очень полезно.

— Полезно будет, если ты будешь не на месте прыгать, а, например, отправишься на охоту.

— Охоту?

— А что ты собираешься есть? — шоно поднялся и потянулся, разминая затёкшие мышцы.

То, что Юрген взял с собой с кухни замка, он благополучно съел в первый же день пути.

— А до ближайшего поселения далеко? — тихо спросил Шу.

— Ещё дня два, — сонно ответил Олаф.

— Значит, надо охотиться, — кивнул Юрген. — Только оружия у меня нет.

— А стрелять ты умеешь? — с улыбкой поинтересовался Оташ.

— Из пистолета. Да.

— Придётся научиться пользоваться луком. Пойдём.

— Куда? — не понял Шу.

— Охотиться.

— Туман ведь. Не видно ж ничего.

— Он скоро рассеется.

Оташ взял свой лук, повесил за спину колчан со стрелами и уверенно зашагал по влажной почве. Юрген поспешил за ним. Спустя какое-то время Оташ вдруг прислушался и остановился.

— Давай, покажу, как держать лук, — тихо сказал он, потягивая оружие Юргену. — Ноги на ширину плеч. Подними лук выше. Стрелу держать вот этими пальцами, — и Оташ дотронулся до среднего и указательного пальца юноши, а затем поправил его, когда тот взялся немного неверно. — Теперь надо назад тетиву вместе со стрелой. Вот так. Ближе к шее.

— А куда мы целимся-то? — шёпотом спросил Юрген.

— Сейчас увидишь, — ответил Оташ. — Сначала успокойся. Дыши ровнее.

Сказав так, сарби вдруг свистнул, и Шу увидел, как впереди них в воздух поднимаются напуганные резким звуком птицы. Юрген отпустил стрелу и она, конечно, не достигла своей цели. Улыбнувшись, Оташ быстро забрал у него лук, выхватил ещё одну стрелу и выстрелил, прежде чем Юрген успел сообразить. Подстреленная птица упала на землю.

— Я научусь точно так же, — проговорил Шу, давая себе обещание.

Оташ отдал добытую дичь братьям, и один из

них тут же принялся её ошипывать. Юрген снова сел поближе к костру и протянул руки к огню.

— Зачем этот мальчик вообще с нами едет? — спросил один из братьев, думая, что Шу не понимает их.

— Я так и не понял, — ответил второй. — На вид он совершенно бесполезный.

— Ну, другой парень тоже не выглядит особо умелым.

— С другим всё ясно, он помощник посла. А этот вот — только обуза для Оташа и нас всех.

Юрген изо всех сил старался сделать лицо попроще. Внутри него уже разгоралась буря. Шу не знал, чего ему больше хотелось сейчас: расплакаться от собственной беспомощности или высказать этим двоим всё, что он о них думает. Но нельзя было делать ни первого, ни второго. Необходимо было делать вид, что он ничего не понимает.

— Хватит болтать! — резко прервал разговор братьев Оташ. Юрген обернулся на резкий голос и постарался придать своему лицу максимально спокойное выражение. Наверное, ему это удалось, потому что Оташ лишь улыбнулся одними кончиками губ.

После ещё одного дня в пути снова наступила холодная ночь. Юрген думал, сколько ещё он сможет вот так продержаться, делая вид, что всё в

порядке. Несмотря на то, что днём становилось всё теплее, за ночь Шу замёрз ещё сильнее. Проснувшись с рассветом, он почувствовал сильную и резкую боль в горле. Признаваться в этом очень не хотелось, но при попытке заговорить Юрген понял, что сильно хрипит.

— Ты простудился! — забеспокоился Олаф. Рейн только недовольно вздохнул.

— Пройдёт, — ответил Шу.

— Ты ведь болел в ту страшную эпидемию, да?

— Да.

— А я слышал, что организм тех, кто перенёс нервную горячку, ослаблен и легко подвержен новым заболеваниям.

— Это ты меня так утешаешь? — усмехнулся Юрген. Говорить вдруг стало совсем больно.

Бальзан, на этот раз Шу уже запомнил имя, поставил котелок с водой на огонь.

— Сейчас ты попьёшь горячего, — проговорил Олаф. — Тебе нужно.

Рейн молча полез в свою дорожную сумку, достал оттуда какую-то баночку и протянул Олафу.

— Господин Рейн! — обрадовался Найтли. — Какой вы молодец!

Арчибальд хмыкнул и отошёл куда-то в сторону.

— Держи, Юрген! Это мёд! — Олаф отдал

баночку Шу.

— Я не очень люблю мёд, но спасибо.

— Это полезно при простуде. Покушай обязательно.

После обеда Юргену стало хуже. Его бросало то в жар, то в холод, но он молчал и только сильнее хватался за шею своего коня. Когда путники приблизились к поселению сиваров, Юрген уже совсем плохо соображал и был готов в любой момент свалиться в обморок.

Сивары жили в низине оврага за перелеском недалеко от маленькой речушки Исиль. Поселение насчитывало примерно пятьдесят-шестьдесят дворов. Дома сиваров были скромными и деревянными. Сами сивары внешне были очень похожи на нортов. Увидев шоно, они сразу узнали его по богатой меховой отделке его наряда. Сквозь шум в ушах Юрген услышал, как Оташ всё же представился и сообщил, что остановится в их поселении на ночлег вместе со своими спутниками.

— Ты как? — спросил Олаф, подъехав к Шу. — Ты совсем бледный.

— Нормально, — прошептал Юрген. Сейчас ему хотелось только поскорее лечь и забыться сном. Путников пригласили в один из домов с простым убранством. Шу устало опустился на деревянную лавку и прислонился к стене.

— Ты странно выглядишь, — услышал он

рядом голос Оташа.

— Почему странно? — прохрипел в ответ Юрген.

— Ты болеешь?

— Немного.

— Тебе надо поесть.

Шу изобразил улыбку. Его мутило при одном упоминании о еде. Когда в доме запахло варёной рыбой, Юрген почувствовал, что его может стошнить. Собравшись с силами, он встал и вышел на улицу. Там он увидел Оташа беседующим с каким-то седым стариком. Говорили они на языке сарби. Из разговора Юрген понял, что старик этот был наместником или старостой. Звали его Илпек. Шу опустился на деревянное крыльцо и прислушался.

— О каких ещё уступках может идти речь? — спрашивал Оташ. — В прошлом году мой отец освободил вас от дани, потому что у вас был неурожай. Теперь вы отказываетесь отдать нам своего воина. Вы хотите сесть на шею шоносару?

— Но, великий шоно, арамсай не может пойти к вам на службу, — возразил Илпек. Юрген задумался. Слово «арамсай» он точно где-то встречал. Соображалось плохо, но Шу сосредоточился и вспомнил. Точно! Арамсай — это был местный колдун.

— А кроме арамсайа мужчин в поселении нет?

— Мы всегда следовали слову Пирешчи. Он указал на арамсая.

— И что же, вы хотите, чтобы я приказал нарушить волю вашего Пирешчи?

— Сами мы не можем. Ты великий шоно. Ты всё можешь. Мы в тебя верим. Мы не такие, как Ясса или Кзыл.

— Ах, вот оно что, — Оташ усмехнулся. — Вы отдадите двух мужчин в нашу армию, когда шоносар прибудет на запад. Их выберет лично Сагдай. Вам ясно?

— Да, — тихо ответил Илпек.

Оташ пошёл обратно в дом.

— Идём за стол, — позвал он Юргена. Шу кивнул.

От рыбы он всё же отказался, но вот пшеничной каши поел с удовольствием. Затем гостям подали хмельной напиток из мёда, который Юргену понравился намного больше самого мёда. От этого напитка Шу начало клонить в сон. Он улёгся на лавке и действительно начал засыпать. Проснулся он посреди ночи, весь мокрый. Достав из сумки второй костюм, Юрген начал переодеваться, стараясь никого не разбудить.

— Пошли, — вдруг услышал он голос Оташа, который спал на соседней лавке.

— Куда? — не понял Юрген.

— К арамсаю. У него отвар надо взять. Ты

выпьешь. Завтра будешь здоров.

— Кто такой арамсай? — спросил Шу, понимая, что не должен знать этого слова.

— Что-то вроде колдуна. Идём.

Юрген послушно пошёл за Оташем. Шоно постучался в один из домов по соседству, и ему открыл довольно молодой мужчина. В его доме пахло какими-то травами и снадобьями.

— Нужен отвар против жара, — на языке сарби сказал Оташ. Мужчина кивнул. Ждать пришлось недолго, и арамсай принёс Юргену чашку с горячим напитком. Шу выпил его весь и тихо сказал спасибо.

— Иди ещё поспи, — проговорил шоно. — Это точно поможет.

Утром Юрген действительно почувствовал себя намного лучше, хотя горло ещё хрипело.

— Рассказывайте, — потребовал Рейн, отозвав Шу в сторону.

— Сначала скажите мне, правильно ли я помню, что Кзыл — это название поселения, которое года три назад взбунтовалось против шоносара?

— Да, и Ясса его поддержала. Был бунт, и он был подавлен. Шоносару тогда помогло войско Сереса. Они ещё на время перекрывали торговый путь.

— Илпек, местный староста, напомнил шоно

об этом. Видимо, это была угроза.

— Что не устраивает сиваров?

— В том году они не платили дань, им прежний шоно разрешил. Вроде как у них был неурожай. А теперь они отказывались отдать мужчину в армию шоносара. Их местное божество указало на арамсая, то есть колдуна. А они не могут его отдать. Но что-то мне кажется, это Илпек специально так сделал. Что вот божество указывает на того, кого так жалко. Может, они вообще думают, что молодой шоно ещё неопытный и с ним можно легко договориться.

— А что же шоно? — поинтересовался Рейн.

— Он сказал, что двоих мужчин заберёт, когда шоносар сюда прибудет. И что их выберет Сагдай. Я не очень знаю, кто такой Сагдай.

— Это шаман. Хорошо, господин Шу. Только впредь постарайтесь больше не простужаться.

— Мне нужна тёплая одежда, — признался, наконец, Юрген.

— Попросите у местных. Уверен, вам не откажут.

Кивнув, Шу направился к дому арамсая, куда его ночью водил Оташ. Колдун сидел на крыльце и что-то писал на свитке.

— Вы не могли бы мне одолжить тёплую одежду? — тихо попросил Юрген. Арамсай с удивлением посмотрел на норта, который так

хорошо говорил на его языке.

— Тебе стало лучше? — поинтересовался он.

— Да, большое вам спасибо.

— Я рад. Подожди, я сейчас.

Арамсай скрылся в доме, а затем вернулся с чем-то, похожим на меховую куртку.

— Вот, возьмите, — Юрген достал из кармана серебряную монету. — Больше у меня нет.

— Ничего не надо, — ответил колдун. — Это теперь твоё.

— Но как же... Это очень дорогая вещь, я же вижу.

— Ты надолго останешься с шоносаром?

— Да.

— Значит, ты будешь здесь, когда шоносар придёт?

— Наверное.

— Если это вдруг будет в твоих силах, помоги мне не попасть в армию шоносара.

— Так это шаман будет решать, не я.

— На выбор шамана всегда можно повлиять. Я не настаиваю. Просто прошу помочь, если это будет в твоих силах.

— Хорошо, я попробую что-нибудь придумать, — кивнул Юрген.

Вернувшись к остальным, Шу обнаружил, что едва не пропустил завтрак.

— Где ты был? — спросил его Оташ.

— Мне вот куртку подарили, — ответил Юрген с улыбкой, показывая свой новый наряд.

Сарби ничего не сказал.

— Теперь есть шанс, что он доедет до шоносара, — проговорил Бальзан.

— Если с лошади не упадёт, — ответил Алтан.

Юрген снова сделал вид, что не понимает их речь.

— Вам делать больше нечего? — произнёс Оташ.

— Ты лучше скажи нам, зачем он вообще едет? — спросил Бальзан.

— У него поручение от короля. Он будет писать о том, как живёт шоносар, дабы каждый норт смог потом это прочитать. В Нэжвилле должны знать, откуда родом их королева. Они ведь там долгое время считали нас диким племенем.

— Да слабаки они там все! — воскликнул Алтан.

— Не все, — ответил Оташ. — Далеко не все. Разве не помните Джулиана или Джеймса? Да и сам король — очень хороший человек.

— Джулиана и остальных мы помним, но они же из этой... Айланорте. Как и Гаяш. В Айланорте другие люди живут. В Нэжвилле слабаки.

— В чём-то вы правы, — вздохнул шоно. Юргену всё труднее было сохранять

спокойствие. — Но короля я уважаю. И вам следует поступать так же.

Оташ уже собирался объявить о том, что они покидают сиваров, когда к нему снова подошёл Илпек.

— Что-то ещё? — спросил шоно.

— Не сочти за дерзость, но не согласишься ли ты показать нам свои умения, о великий шоно, — проговорил Илпек.

— Ты хочешь, чтобы я дрался?

— Только если ты сам того захочешь.

Оташ усмехнулся. Если он не захочет, его станут считать трусом. Его отец по праву занял место шоно, победив всех соперников в честном бою. Оташ должен был показать, что он ни в чём не уступает своему предшественнику.

— Зови сюда своих борцов, — сказал сарби.

— Мы не уезжаем? — поинтересовался Рейн.

— Нет.

— Что-то случилось?

— Мне надо подраться с парочкой местных. Сразу после этого мы поедем.

До поединка ещё оставалось время, Юрген надел подаренную куртку и решил прогуляться к реке. Светило тёплое весеннее солнце, и Шу наконец-то смог согреться. Неподалёку от него разминались двое парней. Юрген догадался, что это и были те самые борцы, которым предстояло

драться с шоно. Оба были босые и раздеты по пояс.

— Эй, что ты здесь делаешь? — крикнул один из них на языке сарби, но Юрген сделал вид, что не понимает, и пожал плечами.

— Не знаешь нашего языка? — крикнул второй. Шу снова изобразил полнейшее непонимание. — Ну и ладно, — махнул рукой парень. Юрген пошёл дальше.

— А вдруг он такой же, как Ундэс? — спросил один из сиваров.

— Испугался? — усмехнулся второй. — Не трись. Алып ещё ни разу не промахивался. Поглядим, как этот новый шоно будет драться после этого. Его отец смог бы.

Юргену стало не по себе. Немного постояв и сделав вид, что он любитесь видом на реку, Шу вернулся назад в поселение. Там он нашёл Рейна.

— Послушайте, они что-то затевают против Оташа! — выпалил Юрген.

— Кто и что затевают?

— Местные! Я слышал, как разговаривали те парни, которые будут драться с ним. Они сказали, что Алып никогда не промахивается. И что Оташу придётся с этим продолжать драться. Они ещё его с Ундэсом сравнивали.

— Как я понял из ваших слов, убивать шоно никто не собирается, так?

— Наверное. Мне кажется, они хотят его

унизить.

— Похоже, сивары не знают, каким образом Оташ стал шоно, — задумчиво проговорил Рейн.

— О чём вы?

— Он воскрес из мёртвых.

— Что? — округлил глаза Юрген.

— Все в шоносаре считали его погибшим при пожаре. А он вдруг явился к ним будто с того света. С того дня никто в шоносаре слова против ему сказать не может. А эти сивары, видимо, могут. Не знают всей правды.

— Господин Рейн, надо же что-то делать!

— Что делать?

— Помочь Оташу!

— Нет, мы не будем ничего делать. Мы не должны вмешиваться. Я бы понял, если бы шоно хотели убить. Но вы сами говорите, что его хотят унизить. Может быть, у них это ещё и не получится. Не смейте вмешиваться, господин Шу. Я вам это запрещаю.

— А где Олаф? — спросил Юрген, сдерживая ругательства.

— Выполняет моё поручение. Продолжайте вашу работу, господин Шу.

Когда пришло время поединка, почти все мужчины-сивары собрались на поляне на окраине поселения. Юрген смотрел во все глаза, пытаясь найти того, кто будет стрелять. Оташ разделся по

пояс, как и его соперник, и вышел на середину поляны. Бой начался. Преимущество шоно сразу бросалось в глаза. Юрген на какое-то время даже засмотрелся, но потом вспомнил про Алып и снова стал искать его взглядом. И нашёл. Один мужчина в толпе вдруг достал нож. Юрген сначала думал, что это будет лук, но нет. Мужчина готовился к броску. Шу побежал прямо к нему и закричал на языке нортов:

— Там нож! Справа!

Увидев, что Оташ обернулся, Юрген стал показывать рукой туда, где находился Алып. Шу уже подумал, что сивар передумает, но этого не случилось. Алып метнул нож, и Оташ ловко уклонился от летевшего в него оружия, однако, пропустив удар от своего соперника. Шоно упал, и Юрген замер, глядя на происходящее. Когда сивар хотел ударить снова, Оташ поставил блок, а затем поднялся и ударил сам. Его соперник упал на спину. Оташ отошёл в сторону и поднял с земли нож. Алып уже и след простыл. Шоно подошёл к Илпеку и протянул ему клинок. Сивары молчали.

— Сколько мужчин присоединится к армии шоносара? — задал вопрос Оташ.

— Столько, сколько назовёт Сагдай, — тихо ответил Илпек.

— Мы уезжаем! — громко объявил шоно, а затем подошёл к Юргену.

— Я просто случайно увидел, — пробормотал тот.

— Спасибо тебе, — ответил Оташ.

Пока шоно одевался, к Юргену подошёл Рейн и холодно проговорил:

— Если вы ещё раз слушаетесь меня, вы отправитесь обратно в Нэжвилль.

— Вы не отправите меня назад, — ответил Шу. — Я вам нужен.

— Да, нужны. Но мне нужен человек, который будет выполнять мои распоряжения. Уверен, что в Нэжвилле найдётся ещё человек, владеющий языком сарби. Помните об этом в следующий раз.

— А что произошло? — спросил запыхавшийся Олаф. Он явно всё пропустил.

— Шоно дрался с одним из местных, чтобы доказать, что он самый сильный борец, — ответил Юрген. — Но ему пытались помешать. В него нож кинули.

— Ой, — забеспокоился Найтли. — И что же?

— Всё обошлось. Шоно не ранен, он победил.

— Но для чего это? Зачем ему хотели помешать?

— Молодого шоно не очень уважают в этом поселении, — ответил Рейн. — Его хотели унижить.

— И поэтому ножом? — удивился Олаф. — Разве это унижить? Это же практически убить.

— Вы плохо знаете сарби, — улыбнулся

Арчибальд. — Шоно не может помешать нож. Даже получив ранение, он обязан довести бой до конца и победить. Иначе он не достоин быть шоно. Шоно всегда самый сильный. Отец Оташа выиграл право быть шоно, победив всех в шоносаре. Когда же это звание передаётся по наследству, юному шоно всегда приходится доказывать, что он достоин.

— Но если бы его ножом ранили на глазах у всех, разве это было бы честно? — продолжал не понимать Найтли.

— Да плевать они все хотели, — ответил Юрген. — Если шоно проигрывает, им всё равно, честно или нет. Значит, не достоин. Господин Рейн прав.

Путники не успели далеко отъехать от поселения сиваров, как вдруг у седла Юргена лопнула подпруга, и сам Шу свалился с лошади, больно ушибив локоть и колено. Ему повезло, что они ехали медленно, потому что Оташ и Рейн о чём-то беседовали по пути.

— Я же говорил, что он однажды свалится с коня! — воскликнул Бальзан, и Юрген до боли прикусил губу, только бы не заплакать от злости и обиды. К нему уже спешили Оташ и Олаф.

— Как же ты так? — обеспокоенно спросил Найтли.

— Подпруга лопнула, — встав, ответил Юрген. Его конь стоял неподалёку, внимательно

глядя на хозяина.

— Её подрезали, — проговорил Оташ, осмотрев седло.

— Сивары, — произнёс Рейн.

— За то, что ты помог мне, Юрис, — согласился шоно. Затем Оташ подозвал Алтана и Бальзана и попросил их починить подпругу. Юргену так и хотелось сказать им, что, мол, видите теперь, что я не сам упал?

— Сильно ушибся? — спросил Олаф. — Точно не сломал ничего?

— Ничего я не сломал, — ответил Шу.

— Вы понимаете, что вам очень повезло? — проговорил Рейн.

— Понимаю, — кивнул Юрген.

— Впредь думайте, прежде чем что-то делать, — шёпотом добавил Арчибальд. — Кстати, вы не сказали мне тогда, что говорил шоно старейшине, когда отдавал нож.

— Спросил, сколько мужчин они отдадут в армию шоносара. Илпек ответил, что столько, сколько выберет Сагдай.

— Выходит, сивары примирились с новой властью. Однако вам они отомстили.

— И что это значит?

— То, что сивары в любой момент могут принять иную сторону.

— Чью, например?

— Нашу, если это будет нам выгодно.

— Но у Нэжвилля ведь нет вражды с шоносаром. Особенно теперь.

— Я не говорю о вражде, господин Шу. Здесь всё намного тоньше.

— А всё же, где был Олаф, когда Оташ дрался?

— Передавал моё письмо, которое я составил для первого министра.

— Кому передавал?

— Торговцу, который как раз держал свой путь в Нэжвилль из Сереса.

— А если он его прочитает?

— Он мало что поймёт, господин Шу. Не стоит волноваться.

Когда братья починили подпругу, Юрген снова сел в седло, стараясь не показывать, как сильно болели ушибленные рука и колено. В мыслях он уже считал себя самым невезучим человеком на свете, который, не успев вылечиться от простуды, уже умудрился свалиться с лошади. Юргену очень не нравилось, как на него смотрели Алтан и Бальзан, и он боялся, что их отношение может как-то повлиять на мнение Оташа о нём, хотя Шу всё-таки грела мысль о том, что шоно был ему благодарен за тот случай с ножом.

Когда путники остановились на ночлег, Оташ вдруг подошёл к Юргену и позвал его за собой.

— Куда мы идём? — не понял Шу.

— Сейчас увидишь, — ответил сарби.

Они отошли от стоянки и остановились посреди степи, покрытой совсем юной весенней травой.

— Очень много с тобой всего случается, — проговорил Оташ, и Юрген испугался. Неужели шоно решит его тут бросить? — Ложись, — вдруг потребовал сарби.

— Зачем? Куда?

— На землю, головой к закату.

Юрген на секунду замешкался, но всё же лёг. Оташ опустился рядом с ним на колени и заговорил на родном языке:

— Тенгри, ради зелёной травы, что растёт на чёрной земле, ради сильных ветров, ради белых берёз, ради наших коней, пусть не постигнет нас беда. Прими всё, Умай, забери всё. Тфа, тфа. Тфа, тфа.

Затем Оташ поднялся и подал руку Юргену.

— Что ты говорил? — спросил Шу.

— Это был ушыктау.

— Что это такое?

— Обряд, отгоняющий от человека беду. И вот ещё, держи, — с этими словами Оташ снял со своей шеи кожаный шнурок, на котором висел маленький кожаный треугольник, и надел его на Юргена. — Это тумар, — объяснил сарби. — Такой

оберег.

— Спасибо, — тихо ответил Шу. Он не знал, как на это реагировать, всё происходящее казалось ему странным. Конечно, в Нэжвилле верили в колдовство и магию, и сам он тоже надеялся, что что-то такое должно где-то существовать, но когда рядом с тобой на колени опускается сам правитель шоносара и просит за тебя своё главное божество — это же совсем другое.

— Теперь ложись спать и ни о чём не думай, — проговорил Оташ.

Юрген постарался так и сделать. Куртка, подаренная арамсаем, оказалась очень тёплой, вот только что-то мешалось, как будто какая-то вещь лежала в кармашке. Вот только карманов у этой куртки не было. Повозившись, Юрген обнаружил какое-то уплотнение за подкладкой. Шу снял крутку, вывернул её наизнанку и понял, что туда просто было что-то зашито. Юргену стало любопытно, он вспорол подкладку сбоку и вытащил маленький холщовый мешочек, развязав который, Шу обнаружил какую-то сухую траву.

— Что это у тебя там? — спросил Бальзан. Юрген сделал вид, что догадался о смысле вопроса и показал мешочек. Ему самому было интересно узнать, что это была за трава.

— Адыраспан? — удивлённо воскликнул Бальзан. Юрген понятия не имел, что это значило.

— Где адыраспан? — спросил Оташ.

— Да вон, у этого! Может, он тебя отравить задумал?

Юрген поборол в себе желание выбросить мешочек куда подальше и вопросительно взглянул на Оташа.

— Откуда у тебя это? — спросил тот, переходя на язык нортов.

— В куртке нашёл.

— А куртку кто тебе дал?

— Арамсай.

— Тогда ясно.

— А что это за трава?

— Она отгоняет злых духов. Но осторожнее с ней. Из неё и яд приготовить можно.

— Может, заберёшь тогда её у меня?

— Нет, тебе она нужнее.

— Значит, ты мне доверяешь?

— Конечно, доверяю.

У Юргена комок подступил к горлу. Молча кивнув, он завязал мешочек и убрал в дорожную сумку.

На следующий день путники догнали обоз с торговцами, направляющимися из Фейсалии в Серес. Они везли на восток вина, стеклянную посуду, кожу, ковры, пряности и большие зелёные арбузы. Пятерых торговцев сопровождали ещё двое вооружённых амма. Приметив всадников, они тут

же достали свои пистолеты.

— Мы не разбойники, — крикнул им Оташ, подъезжая ближе. — Мы держим путь в шоносар.

— Может, вы хотите что-нибудь у нас приобрести? — предложил один из торговцев.

Языки сарби и амма были очень схожи, отличалось произношение слов, у них были другие окончания, но в целом любой сарби всегда мог понять жителя Фейсалии и наоборот.

— Нам предлагают что-нибудь купить, — уже на языке нортов проговорил Оташ.

— Мне ничего не нужно, благодарю, — ответил Рейн.

— А я бы хотел...можно? — Олаф спросил разрешения у посла.

— Это ваши деньги, ваше дело, — отозвался Арчибальд.

— Можно мне арбуз? — снова спросил Найтли.

— И что, он в вас поместится? — усмехнулся Рейн.

— Я бы поделился с вами.

— Я не очень люблю арбузы.

— Юрген, а ты будешь? — спросил Олаф.

— Буду, — кивнул тот.

— Господин шоно, вы не переведёте господам торговцам, что я хотел бы приобрести у них один арбуз? — попросил Найтли и добавил: —

Пожалуйста.

Оташ улыбнулся, а затем снова перешёл на родной язык:

— Господин из Нэжвилля желает купить ваш арбуз.

— Так пусть выбирает! — обрадовался торговец, в чьей повозке лежали арбузы. — У меня они все сладкие, сочные! Пальчики оближешь! Они сахарные! Таких арбузов ты не пробовал никогда в жизни, клянусь здоровьем нашего амира, да будет жизнь его долгой и процветающей!

— Выбирай, — сказал Оташ. Олаф спешился и подбежал к повозке. С видом знатока он взял один из арбузов, поднёс к уху и постучал. Затем то же самое проделал с другим арбузом.

— Вы уверены, что это вам поможет? — поинтересовался Рейн.

— Конечно! — уверенно ответил Олаф. — А у этого ещё и хвостик сухой, видите?

— Это значит, что арбуз сорвали больше трёх дней назад, — проговорил Юрген. — И всё.

— Но как же тогда выбрать самый сладкий? — растерянно спросил Найтли.

— Наугад, — ответил Шу.

Олаф всё-таки взял один из арбузов и спросил цену. Оташ перевёл.

— Так дорого? — расстроился Найтли.

— Ты должен поторговаться, — сказал

шоно, — и сбить цену.

— Я не умею, — ещё более огорчился Олаф.

— Дай я! — не выдержал Юрген и осторожно слез с коня, потому что нога сильно болела. Подойдя к торговцу, он показал на пальцах минимальную цену. Амма зацокал языком и покачал головой, а затем так же на пальцах показал свою цифру. Юрген повторил свой жест, не поднимая цену. Торговец скинул немного. Шу продолжал настаивать на своём. Амма ещё сбавил. Юрген в третий раз повторил свою цену. Торговец сбавил начальную сумму аж в два раза. Шу довольно кивнул и сказал Олафу расплатиться. Найтли в изумлении смотрел на происходящее.

— Ловко ты, — проговорил Оташ.

— К нам на ярмарки часто приезжали торговцы из Фейсалии, — ответил Юрген. — У меня никогда не было достаточно денег. И вот я однажды увидел, как одна женщина торговалась. В итоге она заплатила вдвое меньше. Тогда я понял, что цена на самом деле не такая большая и что рассчитывают они только на таких вот скромняг, как Олаф. Первый раз я стеснялся, но потом я увидел, что торговцы к этому готовы, и перестал. Мне даже стало казаться, что они больше уважают тех покупателей, кто торгуется. И таких не обманывают.

Тем временем Олаф получил свой арбуз и

теперь стоял в замешательстве, понимая, что на коня со своей покупкой он точно не сядет.

— Давайте сделаем привал, — предложил Оташ. — И арбуз можно поесть.

Олаф всем предлагал арбуз, но шоно и братья взяли только по паре кусочков, а Рейн и вовсе отказался. Большая часть арбуза досталась Олафу и Юргену, причём Шу много есть не стал, объявив, что у него маленький желудок.

— Ты же мужчина, — сказал ему Оташ, — должен много есть. Почему маленький желудок?

— Ты сам-то вообще почти не ел сейчас, — возразил Юрген.

— Арбуз — нет, — с улыбкой кивнул сарби. — Но если бы Олаф угостил меня мясом, я бы, наверное, побольше съел.

Когда они продолжили путь, Найтли быстро начал отставать, и Юрген догадывался почему. Сам он тоже один раз остановился, чтобы сходить в туалет, но Олаф-то съел больше всех. Рейн пытался делать вид, что не замечает происходящего, а братья тихо посмеивались. Юрген поехал медленнее, решив дождаться Олафа.

— Я не буду больше покупать арбузы, — проговорил Найтли, поравнявшись с ним.

— Да ладно тебе, — с улыбкой ответил Шу. — Он же правда сладкий был. Не обманул торговец.

— Нет, в следующий раз я куплю персики. У них же были персики?

— Я не обратил внимания.

Впереди показался всё тот же обоз с торговцами. Они снова его догнали.

— Узнать про персики? — спросил Юрген.

— Не надо, — ответил Олаф. — Потом когда-нибудь.

Увидев старых знакомых, торговцы очень оживились, особенно тот, кто продал арбуз.

— Может, господин желает ещё арбуз? — радостно предложил он.

— Он тебе ещё арбуз предлагает, — перевёл Оташ.

— Нет, спасибо, — ответил Найтли.

— Господин отказывается, — сказал шоно.

— Неужели арбуз не был сладким? — опечалился амма. — Не прощу себе этого!

— Арбуз был сладким, — успокоил его Оташ.

— Тогда пусть господин купит ещё! Я сбавлю цену! Господин обидит меня, если не возьмёт мой арбуз!

Когда шоно перевёл слова торговца Олафу, Найтли расстроился.

— Я совсем не хочу его обижать, — проговорил он.

— Оташ, спроси, есть ли у него персики, — пришёл на выручку Юрген.

— Самые лучшие персики во всей Фейсалии! — радостно закричал торговец. — Слаще мёда!

Шу показал амма два пальца. Тот сначала покачал головой, но потом всё же согласился.

— Олаф, бери быстрее свои персики, пока он не передумал, и едем отсюда быстрее, — проговорил Юрген. — Пока ты ещё что-нибудь не купил.

III Camp

Когда Юрген увидел впереди огромное поле, покрытое шатрами, у него перехватило дух. Только сейчас он в полной мере осознал, насколько огромным был шоносар. Изумлялся увиденному не он один: Олаф смотрел вперёд широко распахнутыми глазами и даже шептал что-то восхищённое.

— Добро пожаловать в шоносар, — проговорил Оташ и, хлопнув коня по бокам, устремился к лагерю. Остальные поспешили за ним.

Лучники, охранявшие подъезд к шоносару, увидели шоно и в почтении опустили на одно колено. Кивнув, Оташ поехал мимо, ему навстречу выбежал какой-то мужчина и упал на колени, кланяясь. Шоно спешил и попросил мужчину

встать.

— Со мной приехал посол Нэжвилля Арчибальд Рейн, — проговорил Оташ. — Он со своим помощником Олафом. Для них нужно поставить хороший просторный гер. А вот этот парень, — шано показал на Юргена, пока поживёт у меня. Он будет составлять жизнеописание шоносара для нортов. Объяви всем, чтобы ему никто не мешал свободно передвигаться по шоносару. И позови Сагдая.

— Слушаюсь, — кивнул мужчина и убежал.

— Вам придётся немного подождать, господин Рейн, — Оташ обернулся к гостям и перешёл на язык нортов. — Для вас скоро построят гер. Пока вы можете отдохнуть с дороги в гере Сагдая. Он сейчас придёт. Он и его помощник знают ваш язык.

— А я? — спросил Юрген.

— Пойдёшь со мной.

— А разве у меня не будет своего гера?

— Слишком жирно, — усмехнулся Оташ.

— Но...

— И мне нужен помощник.

— Помощник?

— Должен же ты как-то отработать то, что будешь жить за наш счёт? Или нет? Каждый, кто живёт в шоносаре, должен работать.

— Но я ведь буду писать про шоносар, —

попытался возразить Юрген.

— Это разве работа?

— А разве нет?

— Хорошо, работа, но не такая трудоёмкая.

Ты же не будешь писать весь день?

— Может, ты тогда и Рейна заставишь работать?

— Он посол. Это лицо неприкосновенное. К тому же, посол — это и есть его работа.

— Господин Шу, извольте слушаться шоно, — вмешался в разговор Рейн.

— И что же я буду делать как твой помощник? — поинтересовался Юрген.

— Всё, что потребуется.

Впереди показался высокий крепко сложенный мужчина лет пятидесяти с мягкими чертами лица, увидев которого, Алтан и Бальзан бросились к нему с радостными криками. Мужчина с улыбкой обнял каждого из них, а затем подошёл к шоно и вежливо поклонился. Юрген догадался, что это и был тот самый Сагдай, и отметил для себя, что шаман не стал падать перед Оташем на колени. Они обнялись, и Оташ представил Сагдаю Рейна и Олафа.

— Буду рад принять вас у себя, — с улыбкой проговорил Сагдай с небольшим акцентом. — Следуйте за мной.

— А ты следуй за мной, — сказал Оташ

Юргену.

Идя между герами, Шу решил, что ему нужна будет карта лагеря, потому что найти что-то среди этих абсолютно одинаковых геров ему не представлялось возможным. Все сарби, завидев шоно, как один падали перед ним на колени.

— У вас так положено, да? — поинтересовался Юрген.

— Что положено? — отозвался Оташ.

— На колени становиться перед шоно.

— Это не обязательно.

— А чего они все тогда бухаются?

— Меня долго не было.

— Они так сильно уважают тебя, да?

— Хотелось бы верить, — вздохнул Оташ.

— Это правда, что ты воскрес из мёртвых? — спросил Юрген.

— Правда.

— Серьёзно?

— Сомневаешься?

— Вообще-то да.

— Никому об этом не говори здесь. Сойдёшь за врага.

Гер шоно был большим и отличался от других особой выделкой. Оташ зашёл внутрь и позвал Юргена за собой. Изнутри был виден решётчатый деревянный каркас, на котором держались войлочные стены. По центру гера располагался

очаг. Оташ потянул за аркан, и вверху в крыше открылось отверстие.

— Разожги огонь, — попросил сарби, протянув Юргену огниво. Шу повиновался. Справившись с очагом, он огляделся по сторонам. У одной из стен стоял массивный сундук, а у противоположной — небольшой ларь. Оташ открыл его и достал посуду.

— Готовить не умеешь? — это было скорее утверждение, чем вопрос.

— А разве у тебя нет слуг или женщины? — спросил Юрген.

— Я не держу слуг, — ответил сарби. — И я не женат.

— Кто же тогда тебе готовит?

— Обычно это делаю я сам.

— Но ты же шоно.

— И что?

— Разве для тебя не должны готовить?

— Для меня иногда готовят, ты прав, но это делается по собственной воле тех, кто хочет выразить своё уважение ко мне. Но если я захочу есть, я сам могу обеспечить себя пропитанием.

— Я готовить действительно не умею, — вздохнул Юрген.

— Значит, будешь есть то же, что и я, и тогда же, когда я.

— Хорошо.

— Побудь здесь, а у меня есть дела. Если хочешь погулять по шоносару, пожалуйста. Когда вернусь, пообедаем.

С этими словами Оташ ушёл. Юрген остался сидеть у очага. С одной стороны, ему было интересно погулять, но другой, он боялся, что не найдёт обратной дороги. Конечно, можно было спросить, но Шу не был уверен, что многие здесь могли говорить на языке нортов, а показывать свои знания было нельзя.

Шу ещё раз осмотрелся. Пол гера был устлан меховыми и шерстяными подстилками, вещей больше никаких не наблюдалось. Юрген догадывался, что всё необходимое хранилось в сундуке и ларе. Сначала он заглянул в ларь, откуда Оташ доставал посуду. Помимо кухонной утвари, там лежали мешочки с какой-то пряной травой и ещё небольшие деревянные фигурки, изображавшие коня и волка. Юрген закрыл ларь и подошёл к сундуку. Если бы он был заперт, Шу не стал бы предпринимать никаких попыток узнать, что внутри, но сундук был без замка. В нём обнаружилась одежда, и Юргену стало неловко, когда он решился посмотреть, было ли что-то под ней. Он решил, что быстро посмотрит и всё. На самом дне сундука лежал свиток. Юрген бросил взгляд на выход, убедился, что никого нет, а затем достал его и развернул. Свиток оказался сводом

законов.

Должно любить и уважать друг друга.

Нельзя красть, нельзя

лжесвидетельствовать и быть предателем.

Нарушение карается смертью.

Должно почитать старших. Нарушение карается смертью.

Нельзя прелюбодействовать.

Все мужчины должны состоять в войске.

Каждый воин должен следить за состоянием своего оружия.

Запрещено грабить покорившегося врага.

Нарушение карается смертью.

Воины, не выполнившие волю шона, караются смертью.

Шпионов приговаривать к смерти.

Юрген выронил свиток. Быстро подняв его, он положил его обратно на дно сундука, прикрыл одеждой и опустил на место крышку.

Оташ знал, что в шоносаре за его отсутствие ничего не случилось, потому что если бы что-то произошло, то ему уже бы сообщили. Да и доверял он Сагдаю, который оставался здесь за главного. Оташ сразу направился в гер Сабиры, своей мачехи. У входа, как и положено, стояло два стражника.

Увидев шоно, они расступились, пропуская его в гер.

— Ну, здравствуй, — проговорила Сабира, когда Оташ зашёл. Ему казалось, что горе изменило её, и Сабира стала выглядеть старше. Но её глаза были прежними. Глаза женщины, которую невозможно сломить.

— Здравствуй, — ответил Оташ.

— Как прошла свадьба?

— Хорошо. Король не обидит Асиму. Он достойный человек.

— Я рада это слышать. Значит, теперь я мать королевы Нэжвилля.

— Тебя только это волнует?

— Это тебя должно волновать. Ты мог бы получить Нэжвилль на тарелочке.

— Жизнь тебя не учит.

— Кто стал бы главой Нэжвилля, если бы короля не стало? Асима. Она сарби. Она твоя сестра.

Оташ только покачал головой.

— Может быть, ты ещё одумаешься, — проговорила Сабира. — Есть ещё какие-нибудь новости?

— В шоносаре теперь будет жить посол Нэжвилля, — ответил шоно.

— Ты ещё и нортов сюда пустил. Опять.

— От нортов шоносару ещё никогда не было

плохо.

— Разве? А не норты ли помешали Данжуру завоевать Серес?

— А не твой ли муж стал шоно после смерти Данжура?

— Ты такой же недальновидный, как и твой отец.

— Хватит. У тебя есть просьбы? Еда? Одежда?

— Мне нужна бумага.

— Для чего?

— Хочу записывать стихи и песни. Те, что я пела Газизу, когда он был маленьким.

— Хорошо, я дам тебе бумагу. Но если ты попробуешь связаться с кем-то, ты будешь наказана. Как и тот человек.

Сказав так, Оташ покинул гер. К себе он вернулся уже с мясом барашка, которого забили по случаю возвращения шоно, свежим хлебом и кумысом. Юрген так и сидел у очага.

— У тебя много бумаги? — спросил Оташ.

— Пока да, — кивнул Шу.

— Отнеси моей мачехе один свиток, а я пока поставлю варить мясо.

— Как я найду гер твоей мачехи?

— Дай свою бумагу, я нарисую на обратной стороне. Это недалеко.

— Ты говорил, что её охраняют? А меня

пустят?

— Пустят, если покажешь им вот это, — и Оташ достал из ларя фигурку волка и протянул Юргену. — Это моего отца. Все знают, что он подарил его мне. Носи его с собой. Только смотри, не потеряй.

— Не потеряю, — пообещал Шу.

План, нарисованный шоно, оказался достаточно понятным, и Юрген зашагал к Сабире. Он ловил на себе заинтересованные взгляды местных, но чувствовал, что был далеко не первым нортом в шоносаре. Наконец, он нашёл нужный гер и увидел перед ним стражников. Подойдя к ним, он продемонстрировал волка, и его пропустили внутрь. Юрген почему-то думал, что увидит старую женщину, хотя королева Асима была совсем юной. Сабире вовсе не была старой. Возможно, она была одного возраста с его родителями. Увидев норта, Сабире спросила:

— Ты приехал с послем?

— Я не знаю вашего языка, — ответил Юрген и протянул бумагу, — вот.

— Оташ пустил в свой гер норта? Ну и дела.

Шу развернулся к выходу.

— Аги! — вдруг крикнула Сабире, и в гер заглянул один из стражников. — Позови Эсфиру.

Кивнув, Аги вышел из гера вместе с Юргеном, а затем вдруг схватил его за руку. Шу вздрогнул.

— Чего тебе?

— Эсфира, — сказал стражник.

— И что?

— Ты, — Аги показал пальцами ножки. — Эсфира. Сюда.

— Я вам, что, мальчик на побегушках? Сначала я пойду к шоно. Потом ваша Эсфира.

Когда Юрген вернулся в гер Оташа, тот уже поставил мясо на огонь.

— Там Сабира попросила позвать какую-то Эсфиру, — сказал Шу. — Охранник почему-то решил, что я могу её позвать.

— Ему нельзя отлучаться от гера, пока его не сменят. Их всегда должно быть двое. Обычно они подзывают кого-то, кто оказывается неподалёку.

— Так что, мне идти её звать?

— Сходи. Тебе же нужно изучать шоносар.

— А кто такая эта Эсфира?

— Дочка Данжура.

— А Данжур?

— Был шоно до моего отца. Эсфира сама вызвалась ухаживать за Сабирой.

— Ты ей доверяешь?

— Нет. Но кто-то же должен ухаживать за Сабирой.

— И где мне её искать? Опять нарисуеть? Я, между прочим, с трудом дорогу назад нашёл без плана.

— Тренируй память. Дойдёшь до гера Сабиры. Оттуда прямо на восток, пока не увидишь кузню. Гер Эсфиры и Гэрэла напротив кузни.

— Ну, а как я ей объясню?

— Эсфира немного знает язык нортов. Иди. Всё равно мясу ещё долго вариться.

Юрген снова пошёл к геру Сабиры и вдруг увидел Рейна, который будто бы прогуливался.

— Как успехи? — поинтересовался Арчибальд.

— Вы знаете закон шоносара? — спросил Юрген.

— Знаю, что у сарби есть закон, который провозгласили ещё много лет назад. Но сам лично я его не слышал и не видел.

— Зато я видел. Знаете, что со мной сделают, если узнают, чем я занимаюсь?

— Что же?

— Меня убьют.

— Если вам страшно, вы можете прямо сейчас сесть на своего коня и вернуться в Нэжвилль. Я вас не задерживаю.

— И жениться?

— Вряд ли за вас уже кто-то снова заступится.

— Нет, я останусь.

— Похвально. Так как успехи, господин Шу?

— Про Сабиру знаете?

— Нет, не вполне.

— Это мать нашей королевы. Она здесь под стражей. Потому что она как-то замешана в убийстве бывшего шоно, и это она направляла Газиза, когда тот пошёл войной на Фейсалию. И вроде бы она пыталась убить Оташа. Но Оташ не стал её убивать, потому что она мать его сестры. Мне кажется, шоно очень добрый.

— Может и добрый, — усмехнулся Рейн. — Но вы думаете, он вернул Фейсалии порт, который завоевал его брат?

— Не вернул?

— Нет.

— А что же Фейсалия? Они так это и оставят?

— Полагаю, что нет.

— Они пойдут войной на шоносар?

— Не думаю. Есть другие методы. Землю можно и выторговать. Вы куда-то шли?

— Да. Мне нужно найти некую Эсфиру и позвать её к Сабире.

— Что за Эсфира?

— Дочка Данжура. Она ухаживает за Сабирой. Оташ ей не доверяет.

— Она знает язык нортов?

— Вроде да.

— Постарайтесь завоевать её расположение. Идите.

До гера Сабире Юрген добрался не сразу. Сначала он умудрился свернуть не туда, но вовремя

сообразил, вернулся назад, а затем уже дошёл до нужного места. Сориентировавшись, где восток, Шу отправился искать кузню. Почувствовав запах металла, Юрген очень обрадовался. Если так дальше пойдёт, он сможет спокойно передвигаться по шоносару, не боясь заблудиться. У гера напротив сидел мужчина, чьи длинные волосы были убраны в хвост. Он не был похож на воинов-сарби.

— Я ищу Эсфиру, — проговорил Юрген, подойдя к нему, и на всякий случай показал волка.

Кивнув, мужчина заглянул в гер, и скоро оттуда вышла красивая статная женщина, чьи волосы были заплетены в тугие косы.

— Вас Сабира зовёт, — сказал Шу.

— А ты кто? — с сильным акцентом спросила Эсфира.

— Юрген, я пишу про шоносар для нортов. И ещё помогаю шоно.

— Ну, идём, — секунду помедлив, ответила женщина. Шу показалось, что она в уме долго переводила его слова.

— Гэрэл ваш муж? — поинтересовался Юрген.

— Да.

— Он не воин?

— Он поэт.

— Поэт? — оживился Шу. — Жаль, что я не

знаю вашего языка. Я бы послушал и почитал.

— Ты можешь выучить наш язык, — улыbnулась Эсфира. — Я вот учу ваш.

— У меня, наверное, будет свободное время, если тебе нужно будет помочь, ты обращайся, — проговорил Юрген, решив, что на вы тут всё равно никто не общается.

— Хорошо, — кивнула женщина.

Вместе они дошли до жилища Сабиры, Эсфира попросила Юргена подождать минуту и скрылась в гере. Вскоре она вышла и проговорила:

— Сабира немного больна. Надо попросить у Сагдая отвар. Я побуду с ней, а ты сходи, пожалуйста, за отваром.

Шу почувствовал себя персонажем детской сказки, которого постоянно куда-то отправляли.

— А что, Сагдай сам знает, какой отвар нужен?

— Знает.

— Где его гер?

— Совсем рядом с гером шоно. Смотри, — Эсфира опустила на колени и нарисовала на земле расположение геров.

— Хорошо, я сейчас, — кивнул Юрген и пошёл разыскивать шамана. Ему показалось, что за ним кто-то идёт, но, обернувшись, он лишь увидел несколько сарби, которые шли явно куда-то по своим делам, а вовсе не за ним. Возле гера Сагдая

Шу увидел Олафа и понял, что не ошибся. Найтли сидел у стены гера с чашкой в руках.

— Мне Сагдай нужен, — сказал Юрген. — Он у себя?

— Да, они там с господином Рейном беседуют, — кивнул Олаф.

— А тебя выгнали?

— Я сам вышел. Тут хорошо так, свежо.

— Что это у тебя в чашке?

— Кумыс. Мне нравится.

Юрген заглянул в гер и проговорил:

— Здрасьте, там Сабире нужен отвар. Эсфира попросила.

— Зайди, — кивнул Сагдай. Шаман достал из сундука пучок какой-то травы и протянул Юргену. — Отдай это Эсфире. Она сама сможет приготовить отвар.

Шу поблагодарил Сагдая и поспешил обратно к Сабире. В гере шамана слишком вкусно пахло едой, а Юрген был очень голодным. Отдав траву Эсфире, он побежал к Оташу.

— Долго ты ходил, — проговорил тот.

— Да я там ещё Эсфире помогал, — ответил Шу, садясь поближе к очагу.

— Чем помогал?

— Ходил к Сагдаю за травой для отвара.

— Эсфира больна?

— Нет, Сабира.

— Хм, мне она ничего не сказала.

Юрген только пожал плечами.

— А скоро мясо сварится? — спросил он.

— Скоро, — улыбнулся Оташ.

После обеда Юрген сел записывать то, что успел увидеть в шоносаре. Ближе к вечеру Оташ принёс откуда-то ширму и, поставив её в гере, проговорил:

— Сядь за ней.

— Это зачем? — не понял Юрген.

— Будут приходить люди. Ты не должен присутствовать.

— То есть за ширмой это я не присутствую?

— Это другое.

— Ладно, — согласился Шу и отправился за ширму. Теперь он сидел совсем рядом с тем самым сундуком, в котором лежали вещи Оташа.

Действительно очень скоро в гер кто-то пришёл.

— Рассуди, великий шоно, — заговорил мужской голос.

— Слушаю тебя, — ответил Оташ.

— Сосед мой свататься приходил. Хочет дочку мою младшую за сына своего отдать. Но разве можно, пока старшая ещё не замужем? Я ему говорю, пусть старшую берёт. А он ни в какую. Мол, сыну его младшая приглянулась.

— А что сама дочка твоя говорит? Нравится

он ей?

— Нравится, — вздохнул мужчина.

— Старшей сколько лет?

— Девятнадцать уж минуло.

— Так если судьба её быть тебе опорой в старости, так и не станешь младшую выдавать? Всё ждатель будешь?

— Так это...

— Что? Требуешь у соседа хороший выкуп и отдавай младшую.

— Ну, а старшая-то?

— Я что-то непонятно сказал?

— Нет-нет, всё понятно, великий шоно.

— Ступай.

Мужчина удалился, и вслед за ним в гер зашёл кто-то ещё.

— Великий шоно, не знаю, как поступить, — проговорила женщина.

— Что случилось? — поинтересовался Оташ.

— Овечка наша заболела. Муж говорит забивать надо. А я думаю, всё равно раз больная, то на мясо уже не пойдёт, но вдруг я вылечу её, и она ещё сможет ягнят принести? Муж говорит, что зря только её кормить буду, и ягнята будут больные. Но овечка хорошая. Сердце моё чует, что вылечится она.

— Сагдаю показывала?

— Нет.

— Покажи. И жене его. Если они скажут, что вылечить можно, лечи. Если нет, то забивай, мучить животное тоже не надо. Иди.

— Спасибо, великий шоно.

Когда женщина ушла, за ней пришёл мужчина, за ним ещё один, и ещё. Юрген даже устал их слушать, и его начало клонить в сон. Когда посетители, наконец, закончились, Оташ отодвинул ширму и устало проговорил:

— Меня долго не было.

— Они все от тебя что-то хотели? — спросил Юрген.

— Да. Но так не каждый день будет. Вижу, спать хочешь. Ложись.

— Доброй ночи тогда, — кивнул Шу.

— И тебе, эне, — ответил Оташ.

Утром Юргена разбудили голоса. Открыв глаза, он обнаружил, что шоно куда-то ушёл. Потянувшись, Шу встал и направился к выходу из гера, но столкнулся с вернувшимся Оташем.

— Ты вчера отдал траву Эсфире? — спросил шоно.

— Доброе утро, — ответил Юрген. — Да, отдал ей. А что?

— Ты помнишь, как трава выглядела?

— Ну, такие листики у неё обычные. Немножко вытянутые вроде. И пахло сильно. Но приятно. Ароматно так.

— На адыраспан, например, не было похоже?

— Нет. Совсем нет. А что случилось?

— Сабире стало хуже. Говорит, что после отвара из травы, которую ей дал Сагдай.

Её бы осмотреть кому-то другому. Но у нас знахаря хорошего нет. Есть женщина-знахарка, но она в этом точно не поможет. Она больше по другой части. Знахарь — это очень... Это дар нужен. Сагдай многое умеет, и его жена тоже, но их нельзя сейчас допускать к Сабире.

— А в поселениях ведь могут быть хорошие знахари?

— Отсюда сутки ехать до баргов, у них есть знахарь, но они на другом берегу Ихтыр. Ещё перебираться надо. Потом сутки назад.

— Ты отправишь гонца?

— Отправлю.

Оташ ещё секунду помолчал, а затем покинул гер. Юрген вышел вслед за ним и направился к жилищу Сагдая. Возле него он обнаружил Рейна, делающего что-то наподобие гимнастики.

— Это вы что? — поинтересовался Шу.

— Это я слежу за собой, в отличие от вас, — ответил Рейн.

— Вы хоть в курсе, что тут произошло?

— Нет, но вы мне сейчас расскажете.

— Сабире обвиняет Сагдая в том, что он её отравил. Помните, я вчера за травой приходил. Вот

будто то была какая-то ядовитая трава.

— И она Сагдая обвиняет, а не вас? — спросил Арчибальд.

— Почему меня?

— Так вы траву принесли. Но обвиняет Сагдая? Это точно?

— Я так понял... У меня Оташ спрашивал, что была за трава. И ещё он посылает гонца в поселение какое-то, чтобы оттуда приехал знахарь. Ну, как независимое лицо.

— И далеко это поселение?

— Оташ говорит, что сутки ехать. Это на берегу реки Ихтыр. Вы вон у Олафа спросите, он же у нас картограф.

— Спрошу. А вы найдите Эсфиру и убедитесь в том, что вас не обвиняют.

Послушавшись Рейна, Юрген отправился к геру Сабиры, решив, что Эсфира должна быть там. Стражники были уже другие, поэтому Шу пришлось снова показывать им фигурку волка. Эсфира действительно была внутри. Она сидела рядом со спящей Сабирой.

— Я пришёл спросить, может, что нужно? — шёпотом произнёс Юрген. Эсфира приложила палец к губам и подошла к Шу. Вдвоём они покинули гер.

— Спасибо, — проговорила женщина. — Я молюсь Табити, она должна помочь. Она не

оставит.

— Шоно говорил, что пошлёт за знахарем.

— Мы будем ждать его.

— А это правда, что Сабира отравилась? — спросил Юрген.

— Ей стало хуже после отвара. Может быть, там была какая-то нехорошая трава.

— То есть ты хочешь сказать, что это шаман виноват?

— Я не знаю. Мне надо к Сабире.

— Так может всё-таки помощь какая нужна?

— Проси Табити. И Тенгри, — и Эсфира вернулась в гер Сабиры.

Юрген снова пошёл к геру Сагдая. Рейн и Олаф завтракали вместе с шаманом, его женой и помощником Дониром.

— Присоединяйся, — предложил Сагдай.

— Благодарю, — кивнул Шу и сел рядом с Найтли. По лицу шамана совершенно не было заметно, чтобы он хоть сколько-то нервничал. Он выглядел абсолютно спокойным, как и его жена. Донир тоже казался беззаботным.

Юрген осмотрелся в гере. Первым, на что упал его взгляд, был большой бубен, стоявший у стены. Затем Шу обратил внимание на то, что часть гера была отгорожена ширмой, похожей на ту, что принёс Оташ.

— А для чего в герах нужна ширма? —

поинтересовался Юрген.

— Она отгораживает женскую половину, — объяснил Сагдай. Шу вспыхнул.

— Что-то не так? — спросил шаман.

— Всё в порядке, — ответил Юрген. — Очень вкусная каша.

— И правда очень вкусно, — согласился Олаф.

— Но мы уже чересчур долго пользуемся гостеприимством господина Сагдая, — проговорил Рейн.

— Нам это не в тягость, — ответил шаман. — Хотя, думаю, ваш гер уже должен быть готов.

— Тогда мы отправимся туда, — сказал Арчибальд.

Юрген вышел из гера вместе с Рейном.

— Вы узнали? — спросил посол.

— Да, меня они не подозревают, — ответил Шу.

— Я не думаю, что Сагдай действительно мог отравить Сабиру, — проговорил Арчибальд. — Ему это просто не нужно.

— А кто тогда?

— Не знаю. Да и была ли она действительно отравлена? Может быть, она просто больна, а Эсфира решила выдать это за отравление?

— Зачем?

— Этого я пока не знаю.

Когда Юрген вернулся в гер шоно, Оташ уже был там.

— Где ты ходишь? — спросил он.

— Меня Сагдай пригласил позавтракать, — ответил Шу. — Или надо было отказаться?

— Что ты вообще делал у Сагдая?

— К Олафу заходил. Мы же с ним старые приятели.

— Чай будешь?

— Буду, спасибо. Ты отправил гонца за знахарем?

— Отправил.

— Скажи, а вот Данжур, который был шоно до твоего отца, как он погиб?

— Как и было ему предсказано. От руки шамана.

— Сагдая? — удивился Юрген. — Или тогда был другой шаман?

— Сагдая. Он как раз стал шаманом, — ответил Оташ.

— Но как же так вышло, что он убил шоно?

— Данжур хотел захватить Серес. Но не войной. Он приказал невесте хуанди Сереса, юной девочке из шоносара, убить своего молодого супруга. Этому удалось помешать не без помощи Сагдая. После этого Данжур подослал убийц к шаману, но его спас Донир, прикрыв своим телом. Его чудом вылечили. А Сагдай убил Данжура.

— Тогда выходит, что у Эсфиры есть все причины не любить Сагдая? — проговорил Юрген.

— К чему ты это? — спросил Оташ. — Ты предполагаешь, что она могла это подстроить?

— Не знаю. Просто пришло в голову.

— Хм, — сарби задумался.

— Слушай, я ещё хотел спросить, — Юрген замялся.

— Что?

— Зачем ты всё-таки тогда меня ширмой отгородил, словно я девчонка какая-то?

— А как надо было? — с улыбкой отозвался Оташ. — При тебе они не стали бы так свободно разговаривать со мной. Что, в следующий раз выставить тебя на улицу?

— Не надо на улицу, — пробурчал Шу.

— Значит, будешь за ширмой. Приберись тут, а я пойду. У меня есть дела.

— Чего?

— Посуду помой и убери. Воду я уже принёс, вон кадка стоит.

Оташ ушёл, а Юрген растерянно уставился на грязную посуду. Ему всё меньше нравился тот факт, что у шоно не было слуг или жены. Хотя нет, жена, наверное, мешала бы Юргену, а вот слуги были бы очень к месту. Пришли бы сейчас, вымыли посуду и ушли по своим делам. Вздохнув, Шу всё-таки принялся выполнять поручение шоно.

Вода была холодная, и Юрген подумал, что так можно и снова с простудой свалиться.

Тем временем Оташ зашёл в гер Сагдая. Его жена занималась уборкой, а сам Сагдай читал какой-то свиток.

— Что ты пришёл мне сказать, Оташ? — подняв глаза на шоно, поинтересовался шаман.

— Я тебе верю и знаю, что ты не мог намеренно причинить вред Сабире, — проговорил Оташ.

— Есть какое-то но?

— Нет. Наоборот. Есть и. Что если Эсфира хочет оговорить тебя?

— Я убил её отца, но столько лет уже минуло. Да и не любила Эсфира Данжура.

— Это Сабира.

— Что Сабира? Её идея?

— Уверен. Она не любит тебя. Ты встал на мою сторону, а не на сторону Газиза. Ты помог мне выжить. Сабира вполне могла подговорить Эсфиру, напомнив о смерти её отца, за которую ты не ответил.

— Что ты предлагаешь?

— Подыграть Сабире, когда она сделает следующий шаг.

— А он будет?

— Конечно, будет.

— Тогда стоит спровоцировать её на этот шаг.

Я навещу её и скажу, что буду молить Табити о её скорейшем выздоровлении.

— Она разозлится, — с улыбкой ответил Оташ.

— Наверняка, — кивнул Сагдай.

— Где Донир?

— Помогает послу обустроиться. Он сам вызвался, потому что они же не понимают наш язык.

— Донир добрый, — проговорил Оташ, — хорошее качество для будущего шамана, но...

— Ты не смог бы доверить ему шоносар? — закончил за шоно Сагдай.

— Если бы у меня был ещё хоть кто-то, кому я мог бы верить, кроме тебя. Я верю Дониру, как тебе, но он слишком добр и доверчив.

— Небесный волк сам привёл его ко мне. Может, ему виднее?

— Ты шаман, ты общаешься с духами, и они дают тебе силы. Они дают тебе уверенность и спокойствие. У меня этого всего нет.

— Разве не ощущаешь ты поддержку небесного волка? Разве не чувствуешь, как сам Тенгри встаёт за твоей спиной?

— Не знаю, — честно ответил Оташ. — Иногда мне кажется, что чувствую. Но потом вдруг накатывает такая усталость...

— Тебе нужна сила. Отсюда сутки пути до

волчьего камня. Ты ведь знаешь, где он?

— Знаю.

— Ты должен пойти туда. Когда вернёшься, продолжим переход.

— Сначала разберёмся с Сабирой.

Сагдай кивнул. Оташ вернулся в свой гер и посмотрел на дело рук Юргена.

— Ты считаешь, что эта посуда теперь чистая? — усмехнулся шоно.

— А чего нет-то? — отозвался Шу.

— Тогда сам и будешь из неё есть.

— Ну, а что я не так сделал? Холодной водой лучше не отмыть.

— Ты действительно никогда раньше не мыл посуду?

— Нет.

— В следующий раз возьми золу из очага, — вздохнув, объяснил Оташ. — Ей можно оттереть жир.

— В следующий раз надо ещё и воду подогреть, — ответил Юрген. — Иначе я снова простужусь, и вы отваров не напасётесь.

Шоно еле заметно улыбнулся.

— Прогуляйся мимо гера Сабиры, — проговорил он.

— Это зачем? — спросил Шу.

— Я подумал над твоими словами и хочу кое-что проверить.

— Думаешь, Эсфира может что-то ещё сделать?

— Не знаю. Ступай.

Юрген послушался. По пути к геру Сабиры он сделал небольшой крюк, чтобы посмотреть, как устроились Рейн и Олаф. Их гер был меньше, чем тот, в котором жил Оташ, но всё равно выглядел довольно внушительно. Было видно, что делали его с должным уважением к послу. Донир и Олаф о чём-то с интересно беседовали, а Рейн подошёл к Юргену.

— Есть новости? — спросил Арчибальд.

— Да в общем пока никаких. Разве что Оташ склоняется к тому, что Эсфира и Сабира разыграли всё, чтобы подставить Сагдая. Именно Сагдай когда-то убил Данжура, отца Эсфиры.

— Ясно, — кивнул Рейн. — Держите меня в курсе.

Когда Юрген приблизился к геру Сабиры, оттуда вышла Эсфира и, увидев норта, вдруг очень обрадовалась.

— Помочь надо, — проговорила она.

— Что случилось?

— Сагдай будет просить Тенгри о здоровье Сабиры. Надо принести его бубен.

— И причём тут я?

— Женщина не может касаться бубна шамана. Ты мужчина. Ты можешь. Принеси.

— А чего сам Сагдай не может?

— Он уже начал просить.

— Где же он это делает?

— В гере Сабиры. Пожалуйста, помоги.

— Хорошо, — кивнул Юрген, — я сейчас.

По дороге к геру Сагдая он думал о том, почему нельзя было попросить кого-то из проходящих мимо сарби. Почему его? Что за невезение такое? Юрген сжал амулет, подаренный Оташем. Что же он никак не помогает?

Когда Шу заглянул в гер Сагдая, оказалось, что в нём вообще никого не было. Бубен стоял у стены, колотушка лежала рядом. Юрген подошёл ближе и рассмотрел рисунки на бубне. По центру был изображён круг. Выше был всадник на коне, а ниже волк. Шу взял бубен, он оказался тяжелее, чем он думал. В другую руку Юрген взял колотушку.

— Ай, что ты делаешь?! — раздался позади женский крик. Это была жена Сагдая и кричала она на языке сарби, которого Юрген понимать не мог. Поэтому он просто обернулся.

— Нельзя! Нельзя! — продолжала кричать жена шамана. Юрген пытался понять, что ему дальше делать, и в этот момент в гер зашёл сам Сагдай. Увидев свой бубен в руках Юргена, он изменился в лице, а затем проговорил:

— Положи на место. Аккуратно.

Шу послушался.

— Зачем ты его взял? — спросил Сагдай.

— Вам хотел принести.

— Никто не имеет права брать в руки бубен шамана.

— Я же не знал.

— Как тебе вообще это в голову пришло?

— Эсфира попросила. Сказала, что он вам нужен. Она говорила, что только женщина не имеет права.

— У вас, нортов есть такое высказывание. Незнание закона не избавляет от ответственности. Так?

— Так. Вы собираетесь меня как-то наказать?

— Я вынужден.

— И что же это за наказание?

— Я должен очистить бубен, принеся жертву духам. Жертвой должен стать ты.

— Что? — у Юргена внутри всё похолодело, а сердце словно ухнуло куда-то в желудок.

— Нужна твоя кровь, — проговорил Сагдай.

— Вся? — в ужасе спросил Шу.

— Нет, — на губах шамана появилась улыбка. — Пойдём со мной.

Сагдай взял бубен, колотушку, затем ещё какие-то травы и покинул гер, Юрген понуро поплёлся за ним. Сначала он хотел сбежать к Оташу и попросить защиты, но потом ему

показалось это глупым. И наверняка такой поступок будет считаться трусостью. Юрген себя трусом не считал. Пока он шёл за Сагдаем, Шу думал о том, что же всё-таки произошло. Эсфира не могла не знать о том, что бубен шамана нельзя трогать. Значит, она специально подставила Юргена. Но зачем? Если она хочет отомстить Сагдаю, то причём здесь Юрген? Сагдай пришёл к геру Рейна и позвал Донира, который всё ещё был там.

— Надо провести обряд очищения, — проговорил шаман на языке сарби. Донир покосился на Юргена, а затем спросил:

— Как же так вышло?

— Эсфира хочет мне мстить. Явно не она сама это придумала.

— Сабира?

— Кто же ещё?

— Но я что-то не до конца понимаю...

«Я тоже», — хотелось сказать Юргену, но он промолчал, делая вид, что не понимает, о чём разговор.

— Шоно приблизил к себе этого мальчика. Если я проведу с ним обряд по всем правилам, он может разозлиться на меня. И правильно сделает, — усмехнулся Сагдай. — Парнишка на самом деле ни в чём не виноват.

— А мы действительно проведём обряд, как

положено? — спросил Донир.

— Не совсем. Духи простят меня. Но пусть это выглядит по-настоящему.

— Это как?

— Я взял средство для быстрой остановки крови. Пойдём.

Юргена передёрнуло. С одной стороны, слова шамана его успокаивали, но с другой, он не знал, чего теперь ожидать.

Втроём они пришли на какую-то поляну на окраине лагеря. Донир достал небольшой кинжал и проговорил на языке нортов:

— Ты не бойся.

— Я и не боюсь, — ответил Юрген.

— Порань ему мочку уха, — на родном языке попросил Сагдай. — Оттуда будет много крови.

Шу напрягся.

— Не бойся, — снова сказал Донир, осторожно взял Юргена за плечо, а затем Шу почувствовал прикосновение холодного металла к своему уху. Боли он почти не почувствовал, но едва не отпрянул в сторону, когда увидел кровь. Донир достал какую-то тряпицу и, испачкав её в крови Юргена, передал её Сагдаю. Затем он окровавленными пальцами провёл по шее Юргена и задел его крутку.

— Протяни руки, — попросил Донир. Шу повиновался. Помощник шамана оставил кровавые

следы на его ладонях и запястьях.

— Достаточно, — проговорил Сагдай и протянул Дониру какую-то траву. Тот приложил её к уху Юргена и попросил подержать так.

— Кровь сейчас быстро остановится, — сказал Донир.

В это время Сагдай измазал кровью бубен и колотушку и встал на колени. Трижды ударив в бубен, он проговорил:

— Конь мой, конь, ты поднимаешь меня к небесному шону и вдвоём мы бежим по небу до самого солнца!

Ещё три удара.

— Подними меня. Позови всех.

Три удара.

— Поднимитесь выше гор, смотрите на озёра и реки, смотрите на леса, на небо смотрите.

Так Сагдай повторил ещё три раза, прежде чем на поляне появился Оташ. Следом за ним спешила Эсфира и ещё какие-то сарби, которых Юрген не знал. Он опустил руку, которой прижимал траву к уху, и понял, что кровь действительно остановилась.

— Что здесь происходит? — на родном языке спросил Оташ.

— Норт нарушил закон, — встав, ответил Сагдай. — Я проводил обряд очищения.

— Твоя жена сказала мне. Юрген просто не

знал. Нет его вины.

— Я должен был это сделать, великий шоно. Ты сердишься на меня?

— Да, я сержусь. Юрген, подойди, — уже на языке нортов попросил Оташ. Шу послушно подошёл. — На кого же ты похож... — тихо проговорил шоно. — Теперь тебе нужна будет новая одежда. Упади в обморок.

— Что? — не понял Юрген.

— В обморок упади. Что непонятного?

— Э... ладно, — и Шу картинно завалился прямо на Оташа. Тот подхватил его и прошептал на ухо:

— На землю надо было падать, а не на меня, дурак.

— Там грязно, — пробурчал в ответ Юрген.

— Я очень сержусь на тебя! — громко произнёс Оташ на языке сарби и направился к своему геру. Он занёс Юргена внутрь и уже там отпустил.

— Вот вы любители спектакли устраивать, — проговорил Шу.

— Это ты о чём? — словно не понимая, спросил Оташ.

— Сначала ты из мёртвых воскрес, теперь вот обряд этот кровавый.

— Надо было по-настоящему обряд провести.

— Чего?

— Тогда бы ты на самом деле в обморок свалился от потери крови и никакого спектакля не было бы.

— Вот ты злой, — сказал Юрген, усаживаясь на подстилку и снимая крутку. — Ничего себе она запачкалась!

— Я раздобуду тебе новую одежду, — ответил Оташ. — Будешь теперь нормально одеваться, как сарби.

— Что ты имеешь против одежды нортов?

— Она не практичная.

— Почему это?

— Не знаю почему. Может, потому что вы любите покрасоваться своими костюмами на балах?

— Так вы ведь тоже любите украшать свои наряды, — возразил Юрген.

— Узоры на нашей одежде имеют смысл, — ответил Оташ. — Они не просто так.

— Ты скажи, что ты собрался дальше делать с Сагдаем? — поинтересовался Шу. — Я правильно понял, ты сделал вид, что не одобряешь его поступка?

— Да, ты правильно понял, — кивнул шоно. — Сагдай объяснил тебе что-нибудь?

— Нет. Он сказал, что я должен ответить за то, что сделал, и что меня принесут в жертву.

— Так и сказал?

— Ага. И добавил, что ему нужна моя кровь.

— Ну, он был прав по сути. Тебе было страшно?

— Нет.

— Совсем?

— Совсем, — соврал Юрген.

— Я распоряжусь, чтобы тебе дали одежду, — сказал Оташ. — Пока никуда не уходи.

Когда шоно ушёл, в гер вбежал встревоженный Олаф.

— Я только что узнал! — воскликнул он. — Юрген, как ты? Ты живой?

— Да всё со мной в порядке, — отозвался Шу.

— Но ты весь в крови!

— Это ерунда.

— Как ерунда? Мне сказали, ты сознание потерял от потери крови.

— Ну... понимаешь... это не совсем правда.

— Как это? — не понял Олаф.

Юрген замялся. С одной стороны, ему не хотелось обманывать Найтли, который так сильно беспокоился за него, а с другой, он не был уверен, что имеет право рассказывать ему о том, что произошло.

— Мне сказали, что шаман провёл с тобой какой-то обряд, для которого нужна была твоя кровь, — проговорил Олаф.

— Так и было, — кивнул Юрген. — Только крови было не так много, как кажется. И в обморок

я понарошку упал. Только ты это...не говори никому.

— Но для чего всё это?

— Сабира хочет поссорить Оташа и Сагдая, я помогаю им с этим разобраться.

— Сабира? Это же мать королевы Асимы?

— Да.

— Она находится под домашним арестом?

— Верно.

— А почему она хочет поссорить шамана и шоно?

— Потому что Сагдай ей не нравится. Он в своё время встал на сторону Оташа, а не его брата, сына Сабиры. Оташ доверяет Сагдаю, а Сабира, наверное, хочет, чтобы не доверял. Если шоно захочет, он может прогнать шамана или даже убить. Наверное.

— И кто тогда стал бы шаманом? Донир?

— Вроде бы да. Ты мне сейчас прям глаза открыл! — воскликнул Юрген.

— На что? — не понял Олаф.

— Донир! Что ты о нём думаешь?

— Что он очень хороший.

— Это не ответ. У тебя все хорошие.

— Неправда. Не все. А Донир действительно такой. Он добрый, отзывчивый, открытый.

— Значит, Сабира думает, что сможет повлиять на него. Она всё ещё надеется править

шоносаром, я уверен. Смотри. Если Оташ прогонит Сагдая или того хуже, убьёт его, то Донир станет шаманом, но при этом он будет настроен против шоно, который так поступил с его наставником. Вот чего Сабира добивается!

В гер вернулся Оташ с одеждой в руках. Увидев Олафа, он остановился у входа.

— В мой гер нельзя заходить без моего разрешения, — проговорил шоно.

— Ой, — засуетился Олаф. — Простите.

— Но он ко мне пришёл, — сказал Юрген. — Он мой друг.

— Ты говорил, что у тебя нет друзей, — возразил Оташ.

Шу не знал, что ответить.

— Я пойду, — тихо сказал Олаф. — Извините.

— Ты его расстроил, — проговорил Юрген, когда Найтли ушёл.

— Я? Я ничего ему не сделал, — сказал шоно.

— Олаф — очень хороший человек.

— Так он твой друг?

— Я бы хотел, чтобы он был им.

— Возьми, переоденься, — Оташ протянул Юргену одежду.

— Ты ведь догадался, что задумала Сабира? — спросил Шу.

— Смотря о чём ты.

— О Донире.

— Хм, ты умнее, чем кажешься.

— Я могу и обидеться! Почему ты думаешь, именно меня направили в шоносар?

— Потому что тебя хотели спасти от женитьбы?

— Потому что я образованный!

— Это ещё не значит умный.

— Всё, я обиделся, — Юрген демонстративно отвернулся и начал переодеваться.

— Дождёмся знахаря, а потом пойдёшь со мной к волчьему камню, — вдруг сказал Оташ.

— Куда пойду? — обернулся Шу.

— К волчьему камню. За силой.

— Прямо очень понятно стало.

— Придёт время, поймёшь.

— Так а что ты будешь делать с Сабирой?

— Пока ничего. Спровоцировав её, мы с Сагдаем поняли, чего она добивается. Если ты знаешь намерения своего врага, ты уже почти победил. Пусть она думает, что всё идёт по её плану. Когда я вернусь от волчьего камня, всё будет иначе.

IV Force

Перед тем как покинуть стоянку вместе с Оташем, Юрген решил поговорить с Олафом. Он

нашёл его рядом с гермом посланца за чисткой обуви.

— Привет, — заговорил Шу.

— Привет, — улыбнулся Олаф.

— Мы с шоно уходим к какому-то волчьему камню.

— Зачем? — Найтли отложил своё занятие.

— Не знаю.

— Может, это тоже какой-то обряд?

— Может. Послушай... то, что тогда сказал Оташ, что у меня будто бы нет друзей...

— Не надо, — перебил его Олаф, вставая. — Я всё понимаю.

— Ничего ты не понимаешь! — возразил Юрген. — Я действительно сказал Оташу, что у меня никогда раньше не было друзей. И это правда. У меня не было друзей, пока я не познакомился с вами. С тобой и с Оташем. Только...

— Что?

— Я правда хотел бы называть тебя своим другом, только мне порой кажется, что я этого просто не достоин.

— С чего ты взял такую глупость?

— Ты хороший, Олаф.

— Ты так говоришь, будто бы ты какой-то негодяй.

— Я не самый лучший друг, это точно.

— Послушай, Юрген, ты замечательный, ты, может, просто сам этого ещё не знаешь, — с этими

словами Олаф обнял его. Шу сам не понял, как так вышло, что у него вдруг на глазах появились слёзы.

Из гера вышел Рейн и громко кашлянул.

— И вам добрый день, — проговорил Юрген, разомкнув объятия.

— Слышал, вы уходите вместе с шоно?

— Да.

— Зайдите.

Шу послушался.

— Вы ещё не доложили мне о приезде знахаря, — уже в гере сказал Рейн.

— Ну а что знахарь? Он осмотрел Сабиру и сообщил Оташу, что у неё идеальное здоровье для её возраста. Но шоно ничего не стал говорить самой Сабире после этого.

— Знаете, что меня немного удивило?

— Что?

— Что знахарь вообще доехал. Признаюсь, я предполагал, что он мог так и не объявиться.

— Вы думали, что его убьют?

— Такое могло быть.

— Но для этого Сабире должна иметь в шоносаре убийцу.

— Выходит, что у неё его нет. Или же он перешёл на сторону Оташа.

— Поэтому она и хочет, чтобы шаманом стал Донир. Это для неё самый верный путь.

— Ступайте, господин Шу. Хорошенько

запоминайте всё, что услышите от шоно во время вашего путешествия.

— Сам знаю, — ответил Юрген и покинул гер.

Шу теперь не боялся замёрзнуть ночью, потому что на нём поверх рубашки и штанов был надет длинный тёплый халат с мехом, который сарби называли дэл. Его украшал широкий яркий пояс, за который можно было повесить нож. Полы дэла удобно распахивались и не мешали езде на лошади. Юрген представления не имел, куда и зачем они едут. Не понимал он, и зачем Оташ взял его с собой.

— Может, ты всё-таки расскажешь мне, куда мы едем? — поинтересовался Шу, когда они покинули стоянку.

— К волчьему камню, — ответил Оташ.

— Это ты уже говорил.

— А что ты тогда хочешь услышать?

— Что за волчий камень?

— Ты увидишь сам.

— Ладно, — вздохнул Юрген. — Зачем мы к нему едем?

— Я говорил тебе. За силой.

— То есть камень даст тебе силу?

— Да.

— А я тебе тогда зачем?

— Кто-то должен меня сопровождать. Кто-то,

кому я мог бы верить.

Юрген ничего не сказал. В который раз он испытал это болезненное чувство, так похожее на укол совести. Какое-то время они ехали молча. Впереди показались высокие деревья — степь уступала своё место лесу.

— Здесь водятся волки? — спросил Юрген.

— И не только они, — ответил Оташ.

— А кто ещё?

— Медведи. А чуть дальше бабр.

— Бабр? — Шу прекрасно знал, что сарби так называли тигра, но решил этого не показывать.

— Да, кажется, у вас есть какое-то другое имя для него.

— Может быть, тигр?

— Наверное.

— А он на нас не нападёт?

— Он же не идиот.

— Скажи, а ты не боишься сейчас оставлять шоносар? — задал вопрос Юрген.

— Меня не будет всего двое суток. Или чуть больше. Шоносар проживёт и без меня.

— Но Сабира...

— Что она может сделать?

— Не знаю. Она меня пугает.

— А ты не пугайся.

— Послушай...

— Эне, постарайся поменьше болтать

сегодня, — перебил его Оташ. — Говори только по делу.

— Это как-то связано с тем, куда мы едем? — догадался Юрген.

— Да.

— Я заметил, что ты не взял в дорогу мясо, только воду и хлеб.

— Всё верно. Мы не будем есть мясо, пока не вернёмся в шоносар.

— Значит, и охотиться ты не будешь?

— Да. Боишься, что умрёшь с голоду? — с улыбкой спросил Оташ.

— Вовсе нет! — возразил Юрген. — Два дня — это ерунда.

— И хорошо. А теперь давай немного помолчим.

Не то чтобы Юргену было трудно молчать, как раз наоборот — он привык проводить дни, ни с кем не общаясь. Здесь было другое: кода он оставался с кем-то наедине, ему казалось неловким любое молчание. Шу почему-то считал своим долгом что-то сказать и часто сам же страдал от этого. Но молчание всегда немного пугало. Однако Оташ сказал молчать. Юрген хотел подумать о чём-то приятном, но в голову как назло лезли только какие-то дурацкие воспоминания. Почему-то припомнился Витольд. Интересно, как ему там сейчас жилось в Яссе? Неужели его жена

ему всё простила? И вылечился ли он от своей дурной болезни?

Юрген бросил взгляд на Оташа. Его лицо выражало абсолютное спокойствие. Как у него это получалось? Шу был уверен, что там, за маской этой уверенности скрывался настоящий пожар. Не зря именем шоно было именно Оташ. Юрген прекрасно знал, что это означало огонь. А в сочетании с волком, коим являлся каждый шоно, получался огненный волк. Шу стал думать о красных волках, о которых он читал в одной из книг, это было намного интереснее и приятнее, чем вспоминать Витольда, но мысли всё равно уходили куда-то в другую сторону. Как долго Юрген сможет обманывать Оташа? Каждый новый день приносил Шу такое ощущение, что внутри него словно бы жил маленький зверёк, который, не переставая, грыз его сердце. И Юрген не знал, чем это закончится. Может быть, зверёк съест его полностью, и тогда жить станет совсем просто? Потому что пока он продолжал грызть, было очень больно.

Оташ уже бывал у волчьего камня. Его отец взял его с собой, когда стал шоно и отправился к камню. Отец тогда рассказывал, что на пути к силе их будут поджидать испытания, и был прав. Тенгри и Табити обрушили на них сильный ливень с почти ураганным ветром. Оба сарби вымокли до нитки и

долго потом обсыхали у костра, который Ундэс всё-таки сумел разжечь. Позже, когда они добрались до волчьего камня, Оташ уснул и увидел во сне большие корабли и дальние странствия, а отец почему-то долго не говорил ему, что увидел сам. А когда Оташ настоял, Ундэс ответил, что видел коня. Мальчишкой наследник шоно не понял, почему надо было это скрывать от него. Оташ вспомнил об этом, когда узнал, как погиб его отец.

Когда стемнело, шоно сказал, что пора сделать привал. Юрген был уже очень голодным, но дал себе слово, что не признается в этом Оташу. Сарби развёл огонь, и Шу тут же уселся поближе к костру, памятуя о холодных ночах. Оташ протянул Юргену большой ломоть хлеба, и норт с жадностью набросился на еду. Улыбнувшись, шоно протянул ему бурдюк с водой и проговорил:

— Не подавись.

— Шпашибо, — ответил Юрген.

Когда с незатейливым ужином было покончено, Оташ лёг на подстилку, которую вёз с собой, и подпёр голову кулаком.

— Ты ведь взял с собой свою флейту? — спросил он.

— Да, — кивнул Юрген. — Ты сказал взять — я взял.

Шу закончил расправлять шкуру, которую он взял из гера шоно, и уселся на ней, держась ближе к

огню.

— Сыграй, — попросил Оташ.

Юрген достал из сумки флейту, устроился поудобней и начал играть. Когда-то он очень не любил занятия музыкой, потому что играть одно и то же было нудно и скучно. Но однажды внутри него будто что-то перевернулось, и Юрген услышал свою музыку. Она звучала где-то внутри, рвалась наружу и звала за собой. Тогда Шу полюбил флейту. Она словно стала его другом, потому что помогала ощутить эту музыку.

Юрген ещё никогда не играл на флейте у костра среди тёмного леса. Искры пламени взметались вверх, унося за собой мелодию. Шу играл, растворяясь в музыке, в этой ночи, в бескрайней степи, открывавшейся за лесом.

Оташ смотрел на Юргена, на его тонкие пальцы, перебегавшие от одной дырочки на флейте к другой. Для него всегда оставалось загадкой, как из этой тонкой трубочки могла рождаться такая красивая мелодия. И как ей мог управлять всего один человек. Оташ никогда не умел ни на чём играть, да и не пытался научиться. Ему всегда было важнее уметь драться и стрелять из лука, и в этом он преуспел. Но каждый раз, когда на праздниках в шоносаре играли музыканты, Оташ не мог наслушаться. Вот и сейчас ему хотелось, чтобы мелодия не прекращалась, чтобы она существовала

всегда, как эта степь, это небо, этот лес.

Но мелодия остановилась. Юрген опустил флейту.

— Спасибо, — проговорил Оташ.

— Будем спать? — спросил Шу. Сарби кивнул.

Ночью Оташ проснулся от того, что почувствовал чьё-то присутствие. Кто-то ещё был в этом лесу, кроме них с Юргеном, и это был не зверь. Это был человек. Возможно, даже не один. Ближайшим поселением отсюда было Ихтыр, до Хонгора южнее было не меньше трёх суток пути. Оташ сел и прислушался. Свист летящей по воздуху стрелы он не мог спутать ни с чем. Упав на землю, он схватил свой лук и быстро достал стрелу из колчана. Оташ знал, откуда была выпущена стрела, и выстрелил в ответ. Вторая стрела воткнулась в шкуру рядом со спящим Юргеном. Норт испуганно подскочил.

— Ложись! — приказал ему Оташ и снова выстрелил. Судя по сдавленному крику за деревьями, на этот раз он попал в цель. Затем оттуда вышел человек. Значит, нападавших было минимум двое. У мужчины в руке был только нож.

— Эй, послушай! — крикнул он на языке сарби. — У меня нет лука. Моего друга ты убил. Давай разберёмся как мужчины. Если ты выстрелишь в меня, чести тебе не будет.

— Предлагаешь драться? — вставая, отозвался Оташ.

— Да.

— И что потом?

— Ты победишь — я отдам тебе свой нож и уйду с миром хоронить своего друга. Ты проиграешь — отдашь свой лук и колчан и отправишься дальше со своим чужеземцем.

— Договорились, — кивнул Оташ. Разбойник бросил на землю нож, шноно положил лук. Оба скинули с себя свои дэлы.

Юрген уже видел Оташа в драке и был уверен, что он победит. Этот разбойник просто не знал, кого повстречал. Шу увлечённо наблюдал за боем, предвкушая победу Оташа, когда вдруг почувствовал, как чьи-то руки схватили его сзади и зажали ему рот, прежде чем он успел закричать. Он брыкался изо всех сил и даже укусил руку, но напавший был сильнее. Когда Оташ увидел, что происходит, он не остановил бой. Наоборот, охватившая его ярость превратила спарринг в смертельную схватку. Не прошло и нескольких секунд, как его соперник оказался лежащим на земле без сознания. Оташ схватил свой лук, достал стрелу и натянул тетиву. Второй разбойник приставил свой нож к горлу Юргена.

— Отпусти его! — потребовал Оташ.

— Зачем он тебе? — отозвался разбойник.